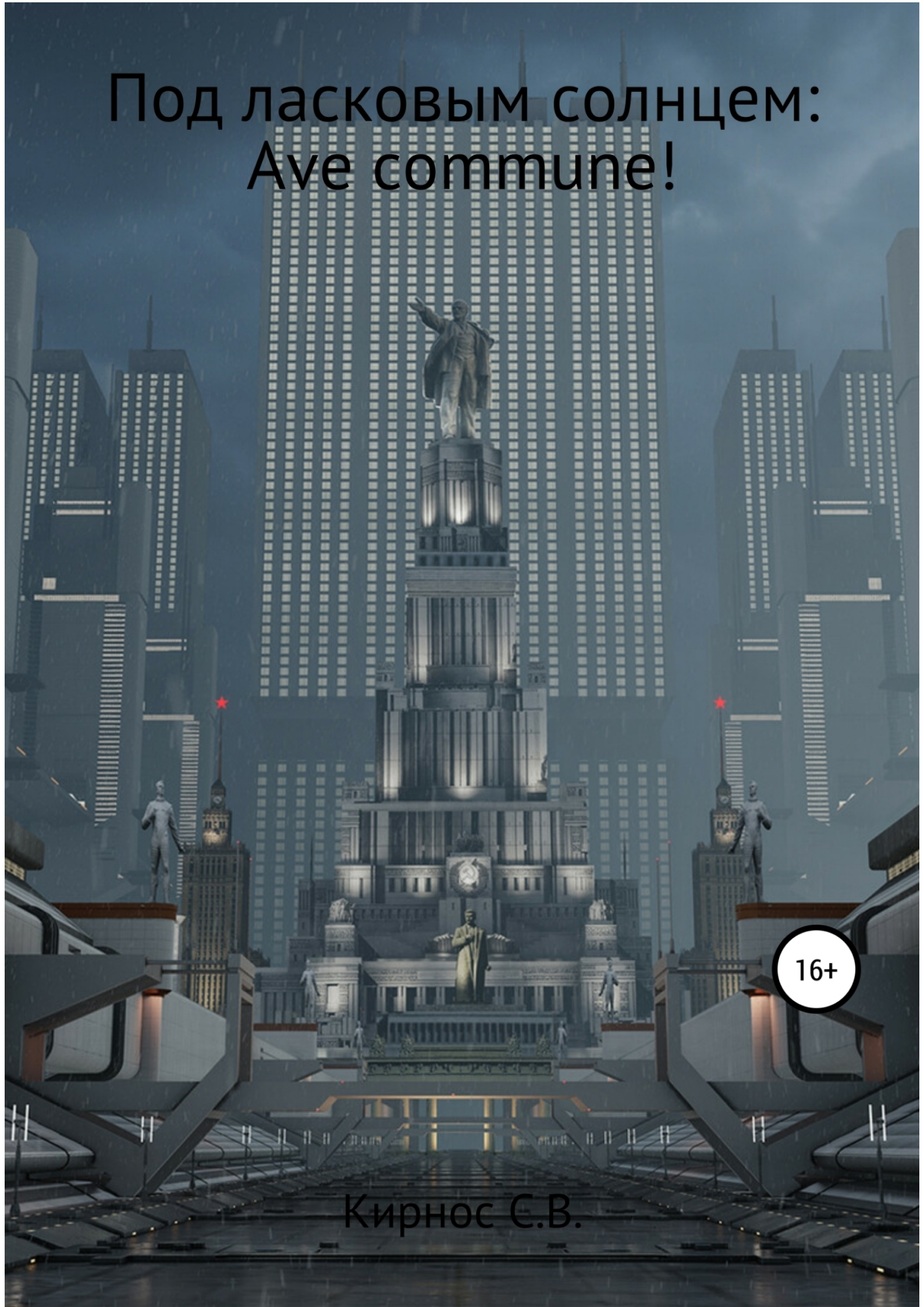

Под ласковым солнцем: Ave commune!

16+

Кирнос С.В.

Степан Кирнос

**Под ласковым
солнцем: Ave commune!**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кирнос С. В.

Под ласковым солнцем: Ave commune! / С. В. Кирнос — «ЛитРес: Самиздат», 2020

От холодных берегов Балтийского моря до Карпат и тёплого берега черноморья раскинулась держава нового века, над которой реет алое знамя народных идеалов. В далёком будущем, посреди сотен конфликтов, войн и кризис, в огне и муках, родилась на свет страна, объявившая себя блюстителем прав простого народа. Нет больше угнетателей и царей, нет больше буржуев и несправедливости, всем правит сам народ, железной рукой поддерживая равенство. Тем, кто бежал от ужасов "революции" из Рейха, предстоит упасть в широкие объятия нового дивного общества, чтящего все постулаты коммунизма. Однако эта встреча сулит не только новый дом для беглецов, но и страшные открытия. Так ли справедлив новый мир народовластия? И до чего доведён лозунг "на всё воля народа" в далёком мрачном будущем?

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Часть первая. Край тоталитарной демократии	10
Глава первая. На пороге равенства	10
Глава вторая. Ласковые объятия Коммуны	20
Глава третья. Доктрина «Нового Коммунизма»	30
Глава четвёртая. Партийная Империя	40
Глава пятая. «Равные среди равных»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Степан Кирнос

Под ласковым солнцем: Ave commune!

Предисловие

Эта книга продолжает повествование литературной вселенной «Мир серой ночи». Рассказ о далёком будущем, очень страшном, несчастном и довольно мрачном, изображающем, насколько может измениться человечество, если людская цивилизация оступится и пойдёт не по тому пути.

Мир предстаёт после великого апокалипсиса, разразившегося столетия назад и ставшего опустошительным и разрушительным, который превратил большую часть земли, немалое количество городов и стран в один постапокалиптический ад. Все края света безжалостно разорены – Америка, Европа, Африка, Азия и Австралия – крушение надежд человеческих на светлое будущее обрушило опустошение на все уголки погибающего мира. Ситуация сильно осложнилась веками молчаливого пребывания в таком состоянии и самом настоящем демарше истории, что повернулась в развитии обратно. И мир погряз в бесконечной, бесконечной, беспрестанной войне, став отражением, тенью былого величия. И что же случилось с человечеством в момент пика кризиса – власть, запятнанная жадностью и празднеством, люди, искалеченные бунтами и нищетой, разруха, извечные распри, человечество, которое знает только лишь войну.

Но в один момент некоторые части старого мира потянулись к единству, стягиваясь под неделимые флаги. Запад и восток, север и юг: все вознамерились построить новый, не похожий ни на что ранее виданное и славный мир, по идейным лекалам, устремившись к утопическим идеалам, взведя их на эгиды и вплетя в девизы. Кто-то стал ваять державу достойную «Царства Небесного», другие же вздумали построить новую «Вавилонскую башню», подражая идеям старого мира. У каждого в этой истории свой путь, ведущий народы дальше в ослепляющую тьму.

Мир серой ночи – это наш мир отдалённого будущего, который пережил страшную ночь, практически забвение цивилизации и упадок в варварство, выжил и явился из кризиса, только о возрождении, о былом величии и славе можно забыть. Неизгладимый, глубокий и ужасающий след оставлен на душах миллионов людей, которые до сих пор блуждают в ночи, хоть и над ними воспламенились «солнца» великих истин, указывающих «верный» путь, только светлее от этого не становится.

Карта "Директории Коммун" и её территориальное деление

Коммуна №1:
Столичная

Коммуна № 3:
Научная

Коммуна № 5:
Военно-
промышленная

Коммуна № 7:
Легко-
промышленная

Коммуна № 9:
Химическая

Коммуна № 2:
Рудодобывающая

Коммуна № 4:
Рыболовецкая

Коммуна № 6:
Тяжёло-
промышленная

Коммуна № 8:
Сельско-
хозяйственная

Рис. 1 Карта «Директории Коммун».

«Народ, народ! Да что вы заклинаете всё «народом», будто его воля это нечто святое и праведное, будто она это мерило всего. Что вы взываете к народу, будто он это «бог», чья воля

это нечто непогрешимое, а народные решения это абсолют правильности и добра. Акститесь, Христа распяли по воле народа, все кровавые революции и жертвы в них тоже воля народа, насилие, грабежи и убийства «во имя справедливости», так же творились народом. И вы его волю ещё считаете чем-то святым? Пособием к действию?»

– «Чёрный пророк», Сарагон Мальтийский.

«Опирается на мнение народа не всегда хорошо, ибо оно бывает зачастую слишком опрометчивым и глупым. Один челок – умён и рассудителен, толпа же – тупа и безумна, готова пойти на любое преступление, чтобы её интересы не были нарушены».

– Астарт.

«Народ составляют святые, а не толпа народа».

– Богослов древности, Иоанн Златоуст.

Пролог

Времена «Континентального Раздора».

Зал яростно взревел, когда окончилась пламенная речь, наполненная до краёв бурлящим фанатизмом и демагогичными призывами. Стены, смотрящие на две тысячи человек серой мрачностью и каменной прохладой, эхом многоголосья отразили клич восхищения. Колоссальное помещение, где можно потеряться в необъятных пространствах безликой залы, имеет черты гигантской коробки внушительных размеров. Две тысячи человек ликут сидя на креслах, обшитых тканью, которая не имеет цвета и со всех четырёх сторон их взгляды с пылкой жаждой всматриваются в центр всего – на большую площадку, выложенную мраморными плитами, поцарапанной кафедрой на ней. Все утонули в беспредельной радости, кроме одного человека. Его лик, образ лица такой же холодный и серый, как и стены в каменных палатах, на нём нет и капельки отрады, и он подобен белой вороне. Его тело укутано в плащ, полотнами чёрной ткани закрывающий тело до самых туфель, сливаясь с такого же цвета кофтой и брюками. Его кристально-серебристые глаза без душевного пламени взирают на залу, эхом отражающее радостный визг товарищей.

– Мы встаём на порог новой эпохи! – так же пламенно продолжает оратор, чья куртка отразила блики тусклых ламп на кожаной поверхности. – Мы, построим новую страну, новый мир, где не будет больше страданий, где всё будет по справедливости и совести! Мы построим край великого равенства!

Губы не ликующего мужчины искривились в возмущении или даже в отвращении к сказанному, но остальные всё так же режут в радостном экстазе, утопая душу в сладком упоении безумными идеями, которые тут были озвучены. А тем временем оратор продолжал, с пущим рвением в звонком голосе:

– Мы, есть алое зарево равенства, которое скинет треклятых угнетателей с престолов! Мы покараем царей и тиранов во имя свободы народа! Долой диктатуру зажавшихся буржуев, ибо только воля народа, его правление способно породить общество истинной свободы, истинного равенства. Мы построим край по заветам великого древнего пророка, мудреца и философа – Маркса!

«Пророк» – с отвращением пронеслось в разуме человека в плаще, лицо которого с каждым словом становилось всё мрачнее и мрачнее. Он с омерзением кидает взгляд на товарищей, которым даже невдомёк, что их идол – Маркс не был пророком, но вряд ли обезумевшей толпе это важно. Их кормят тем, чем они хотели – опасным популизмом, который если воплотить в жизнь тысячи, сотни тысяч судеб будут перемолоты в жерновах их революции, а затем ещё миллионы будут обречены на существование в жалком подобии жизни.

– Мы – великое собрание мудрецов и рабочих, мы две тысячи человек, умных и просвещённых, сильных в равном единстве! – возопил яро оратор. – И нам выпала общенародная миссия создать славную Партию, которая поведёт низшие классы в праведный бой против тиранов и деспотов, которые дают волю народную.

Ещё сильнее отвращение взяло душу человека. Он ученик философской школы Сарагона Мальтийского, где учили, что некогда поднимутся те, кто разделят мир по идейным «районам», которые поднимут на свои штандарты «Солнца» забытых идеалов, но это не осветит цивилизацию, скорее установится серая ночь, когда не светло, не весело, но и не темно, не сумрачно. И сейчас перед ним, в звонком и громогласном вое больше тысячи людей рождается новая звезда, которой суждено стать путеводной для миллионов людей, но это только приведёт к построению новой системы, что со временем обратится в источник для горестного плача.

Однако отвращение к происходящему сдерживается пониманием того, что тут появится вместе с «Солнцем» и новая надежда, упование на освобождение от ужасов Великого Континентального Раздора, который даже сейчас продолжает пожирать сотни жизней. Возможно, в дальнейшем этот край станет противовесом другим подобным идейным державам, что предотвратит великую и кровавую войну, которая должна закончить история человечества.

Смешанные и малопонятные чувства овладели сознанием парня, который безрадостно продолжает рассматривать безумно ликующую толпу. Люди, больше тысячи, станут зачинателями нечто большего, чем россыпь стран, которые сейчас представляют из себя не более чем истерзанные войной и кризисом уголки Земли.

Но вот все размышления развеялись подобно мороку, когда прозвучали слова укора со сцены:

– Я смотрю, не все у нас истинно рады. Брат Астарт, что же ты такой не весёлый!? Мы обсуждаем великую миссию нашего движения, мы чаем наступление эпохи тотального равенства, мы кровью и потом готовы приближать наступления царства справедливости, а ты не рад! Почему!?

Взгляд тысячи глаз уставился на мужчину, который поднялся со своего места и каждый взор так и источает беспредельное негодование, налит злобой и отторжение к тому, кто не весел.

– Да это же сарагонит! – кричит кто-то из толпы. – Они вечно всем недовольны!

– Вы думаете, что ведёте себя к прогрессу и свету, но мрак невежества и спесь гордости в ваших душах не позволит вам этого сделать! – холодным громом заголосил Астарт «Сумрачный». – Вы не сможете построить ничего, кроме ещё одного «Солнца», о котором говорил Сарагон Мальтийский. Опомнитесь, безумцы!

Но его не услышали, а только громогласно осмеяли.

– Мы на праведном пути и безумие твои слова! – взревел оратор. – Да здравствует новый мир! Да здравствует Коммуна!

Спустя сорок лет...

Часть первая. Край тоталитарной демократии

Глава первая. На пороге равенства

Первые дни ноября. Утро. Директория Коммун.

«Всё великое начинается с малого, все дороги начинаются с одного шага, все свершения начинаются с одной мысли, но и ужасное тоже имеет свойство начинаться с чего-то незначительного».

Именно эта мысль поселилась в уме одного из парней, что бредут сквозь лесную чащобу, едва-едва припорошённую снегом, хрустя тонким слоем серебристого покрова под подошвами грубой обуви.

А лес вьётся перед двумя юношами массивной, практически непреодолимой стеной, которая усыпана довольно чудным светло-серебристым снегом, который блестит на свету утреннего морозного солнца, будто песок из благородного металла.

Воздух тут замороженный, холодный, цепляется за кожу острыми уколами поздней осенней прохлады, но он всё ещё не зимний, не достаточно ледяной. Парни, делая вдох, ощущают, как их ноздри заполняются колющей прохладой, но колкость не от холода, а скорее от необычного содержания воздуха, как будто он пропитан какой-то химией.

– Чувствуешь, какой здесь воздух? – разразился вопросом один из парней, который опустил руку в карман серой куртки, чуть прикрывающей чёрные брюки, и обратил крупное лицо к собеседнику, окинув его взглядом тёмно-синих мутных глаз.

– Нет, Давиан, не чувствую его... особенности, разве что он странно колется. Лес, как лес. – Ответил ему спутник, взирающий на лесные глубины взглядом карих очей с опаской, не ожидая от них ничего хорошего, даже не оборачивая худое округлое лицо к спутнику, лишь потерев синие брюки и упрятав ладони в чёрную длинную куртку. – Обычный воздух.

Два человека медленно идут по дороге, которой нет ни на одной карте или в базах данных. Они идут по пути, о утре никто не говорил, и никто о нём не знал, но они первые, возможно за первые сорок лет, кто пройдёт эту стезю, меняя стяг под которыми живут два юноши.

– Пауль, – судорожно воззвал к худосочному человеку более крупный парень и восхищённо заявил, – ты только осмотришься вокруг. Это тебе не Рейх, не затхлое царство гнилого Императора. Ничего, совсем скоро, и мы будем в краю истинной свободы от классового угнетения и всякой тирании морали.

– Ты же не знаешь, что будет впереди, – донеслась лёгкая усмешка, – вдруг там государство, где угнетение сильнее, где такой же император, жалкий царёк. Ты же ничего не знаешь.

– Но у меня есть моя вера! – опрометчиво воскликнул посреди леса юноша. – Я верю, что край, который называется социально справедливым, страна, которая превозносит принципы равенства и общности, не может оказаться плохим.

– А откуда ты знаешь, что это так? – вьелся аккуратно вопросом Пауль, опасаясь непонимания или укоризны Давиана.

– Я верю, – с внутренним благоговением ответил юноша и с настойчивостью, внутренним напором добавил, – и тебе советую уверовать в это, ибо когда мы придём в царство справедливости, будет поздно сомневаться. Ты понял?

– Я уже верю, – с тенью призрачной улыбки на худых губах ответил Пауль. – Так же верю, как и ты в... ничтожество нашей родины.

– П-ф-ф-ф! Рейх мне не родина! – рассердился юноша. – Он мне и никогда не был родиной, я не даже не понимаю, как мог родиться в том проклятом месте. Милан, пха! Да, может

мне и родина, а его сломленный дух свободы часть мой... души, если так можно сказать, но не Рейх. Нет.

– Души? – удивился Пауль. – Ты же не веришь в душу и всякую там «духовно-магическо-мистическую придурь», как ты сам и говорил.

– Согласен-согласен, тут я ошибся с термином... частью моего мышления, моей психологии, вот нужные слова. Я оговорился, потому что слишком долго слушал бредни священников и культистов секты государства о душе. – Юноша замолк, но через пару секунд выдаёт. – Нужно найти хорошую книжку и потоком знаний до выбить из мысли эту религиозную гадость из Рейха.

Рядом с ним идущий парень с незначительным негодованием выслушивает всё возмущение в сторону их родины. Каждое слово Давиана так и пышет яркой ненавистью к тому, что осталось позади, к тому, с чем была раньше связана его жизнь. Теперь каждое воспоминание о той стране, которая полотно огромных территорий стелется за спинами ребят, дышит вспышками неприязни, злобы и ненависти. Пауль видит в своём друге желание хоть словом нашкодить Рейху, умолить его или низвести в мыслях в жалкое состояние.

– Пауль, а ты что ничего про Рейх не говоришь? – насторожился более крупный парень. – Или он тебе дорог?

– Ну, Давиан, если я пошёл с тобой, значит не так уж мне он и важен, – настороженно ответил худой юноша.

Пауль, осматриваясь по сторонам, так и не понял, к чему был этот вопрос, ибо если он здесь, идёт рядом с другом в Директорию, предав этим поступком Рейх, то зачем подобное вообще спрашивать? Да, Пауль не говорит о Рейхе, старается не вспоминать его потому что воспоминания о потере друзей тяжёлые, омрачённые скорбью прошлой ночи. Ведь они бегут из Рейха не потому что им позволили это сделать или по доброй воле выпустили, нет, такого бы в здравом уме власть их родины не допустила. Бардак на границах, неразбериха в высшем командовании и отвод войск позволили двум парням незаметно пересечь границу и спокойно уйти из страны, которая медленно тонула в революции и неразберихе, которые обратились в стальной порядок, опрокинувший чаяния немногих сторонников изменений.

– Как думаешь, что с нашими друзьями в Риме? – вторя мыслям Пауля, озвучил вопрос Давиан. – Кто-то смог выжить?

Спросивший юноша брошен в жар негодования и разочарования. То, что должно было случиться в «Вечном городе», то, что там произошло, должно было стать великим начинанием для деяний будущего века, которые бы привели всех жителей Рейха к процветанию и равенству, изничтожив жалкие и убогие культы вроде церковного и государственного. Рим должен был стать альфой и омегой для великого будущего, где всё станет общим, где всё будет по справедливости. Но всё пошло не так, их предали, их бросили. Тот, кто должен был их повести на великую борьбу, тот, кто мог стать для них лидером, великим вождём, оказался приверженцем старых порядков, и он предал их, по их трупам вознамерился взойти ко трону Императора. И теперь Давиана одолевают мысли о том, что случилось с его друзьями и знакомыми в Риме, смог ли кто-нибудь выжить, чтобы затем, в далёком и мрачном будущем всё же водрузить красный стяг над славным городом и всей страной.

Давиан, когда нёсся на всех парах к границе на поезде, даже не мог помыслить о том, что битва за Вечный город, превратиться в бойню в Риме. Конечно, он был бы рад, если все прихвостни Рейха заплатят кровью за смену власти на более справедливую, в понимании Давиана, но вот за что заплатились революционеры? «За желание жить в нормальной стране?» «За своё естественное право на бунт, если власть не удовлетворяет запросы широких трудовых масс?» – вопрос за вопросом задаёт себе Давиан в попытке найти ответ на мучающий его вопрос.

– Так что ты молчишь, Пауль? – с нажимом спросил Давиан.

– Даже не знаю, что там с ними стало, – безрадостно отвечает друг и еле слышимым шёпотом добавляет. – Даже не знаю.

Пауль даже не хочет об этом думать, ибо каждая мысль о Риме, о том, что их друзей отвергает юношу в не самое лучшее расположение духа. Там были практически все, кого он знал из подпольной деятельности в Милане и все они попали под каток амбиций их предводителя, что воспользовался ситуацией, чтобы воздвигнуть себя в ранг верховного правителя целой Империей. Паулю трудно было, когда им сказали о том, что в революции в Риме погибли люди, хоть они и слуги Рейха, ибо они тоже люди, у каждого из павших прислужников была своя судьба, своя жизнь и лишать просто так их этого существа варварство, пускай они и сражались за Рейх. А когда им сообщили друзья, бежавшие в Либеральную Капиталистическую Республику, что их верные товарищи, знакомые и приятели, которые должны были освободить Рим пали под ударами клинков нового правителя, что-то внутри Пауля рухнуло, подкосив его настроение.

Однако теперь Рейх позади. Он кончился за огромной бетонной стеной, усеянной орудиями и вышками наблюдения, он кончился в тот момент, когда двое юношей миновали опустевшую границу, лишённую всякого надзора, а его влияние закончилось на парней давным-давно, но всё же их желание свободы и стремление к новому миру это прямое воздействие Рейха и его запретов. Мысли и души юношей пленены вожделием новой жизни, скованные цепями стереотипа – «Везде лучше, чем в Рейхе», что является особенностью страны, из которой они бегут, рождённой тоталитарным порядком, а посему не до конца его удалось вытравить из души.

Дорога, ведущая вперёд, стала подходить к концу, так как она упиралась в очертания чего-то высокого и серого, монументального и гротескного, что с каждым шагом становилось всё ближе.

– Что там? – взволновался Пауль, сделав шаг медленнее.

– Ворота в новую жизнь, – с фанатичной прохладой произнёс Давиан и ускорил шаг, желая побыстрее оказаться лицом к лицу с «Номо Communistic», как радостно называет юноша жителей Директории.

Лес вокруг оставался таким же густым и кучным, могучим и старым, окутавшийся в серебристое полотно, устремляясь могучей стеной к небесам, и каждое дерево уподобилось крепкой колонне, которая держит светло-голубую небесную твердь. Одного взгляда хватит, чтобы понять – лесистая местность не знала касание человеческой циклизации долгие года, но всё природная сила, её могущество, в лице здорового, внушающего трепет, леса меркнет перед сочетанием бетона, железа и камня, которое вырисовывается впереди.

– Чт-что это? – при приближении по заснеженному грунту, которым усыпан подход, с дрожью в голосе вопрошает Пауль. – Он-она ещё больше ч-чем ст-стена Рейха.

– Теперь ты видишь величие Директории! – яро обрадовался Давиан. – А я говорил, я говорил всем, что этот край велик!

– Н-но это ведь невозможно, – в глазах Пауля поселилась тень страха перед тем, что за воротами этой стены.

– Но это истина!

Пауль и Давиан идут к фантазмагорическому строению, которое многократно выше крон величественного древнего леса. Давиан не видит ничего кроме, огромной стены, которая рослой волной железобетона громоздится впереди.

– Давай-давай! – кричит Давиан, подбадривая своего друга, который практически остановился.

Для Пауля поведение друга кажется безумным или даже пристрастно безрассудным. Давиан желает узнать, что там за стеной, плевав на безопасность, отвергая всё здравомыслие. Он думает, что всякого беженца с юга там примут за желанного гостя, который ради идей высшего и общего блага, готов предать родину, но Пауль другого мнения о жителях страны, в

которую они идут, хоть и придерживается таких же воззрений что и друг. Да, он, так же как и Давиан ощущает грохот сердца и гнетущее волнение, только это вызвано не чаянием и сладким желанием поскорее оказаться за стеной, а первобытным страхом, осторожностью и боязнию неизвестного. «Если они так умны и хороши, то почему возвели такую стену?» «Почему отгородились от всего?»

– Постой, – выдохнул тяжело Пауль и ткнул пальцем в сторону стены, – давай будем осторожны. Никто не знает, что там за этой серой массой.

– Послушай, – неожиданно для друга без давления, легко начал Давиан, – мы оба сюда шли за этим. Бежали из затхлого края убогих идей, чтобы присоединиться к тем просвещённым людям, – Давиан взметнул руку и простёр её, указав на стену. – Вон там, именно там, наше будущее, наше знаменитое и светлое будущее. Я думаю, они примут нас как своих.

Давиан и Пауль продолжили путь, хрустя снегом и подходя всё ближе к границе между двумя мирами, такими разными, но столь похожими, что юноши даже и подумать не могут. Вблизи эта стена оказалась ещё выше и ещё монументальнее, а перед ней, перед широчайшими воротами, на железном покрытии которых виднеется странная гравировка, рассеяны кусты колючей проволоки, которые образуют практически непроходимый лабиринт из железа и колючек.

Стена настолько высока, что даже если задрать голову перед ней, то с трудом видится её вершина, а сама их безликость веет странной прохладой, закладывающей в душу холодок страха и ничтожности перед такими строениями. Откуда-то из середины стены виснут ало-красные полотнища ткани, слегка подёргивающиеся на ветерке, лишённые всякой символики и знаков, дающие знать о том, кто владелец этой части мира.

Ворота, на которые обращён пристальный взгляд двух чужаков, в длину простираются на метров сто и значительно ниже самой стены, при этом ужаты надвратным помещением и башнями, такими же светло-серыми как и весь каскад оборонительных сооружений на границе.

Как только два парня подошли к зарослям колючей проволоки, с башен и стен на них в ту же секунду уставилось как минимум сотня малокалиберных автоматических орудий, издав механическое бречание. Пауль даже заметил мельком, как на его голову смотрит чёрный ствол пушки, который с лёгкостью выбьет из него жизнь, будь только воля оператора.

– Стоять пришельцы!!! – разразился громopodobный голос, который будто звучит с самих небес и отовсюду, а его речь звучит на чистом новоимперском языке. – Стоять на месте!!!

Давиан и Пауль тот час остановилась. Казалось, что их неумолимое продвижение остановила необычная сверхъестественная сила, и двое юношей в мановение ока встали как вкопанные. Пауль ощутил сердцем, как его съедает страх и ужас, он уже готов сорваться обратиться и бежать как можно дальше от этого места, где их встретили холодным приветствием оружейных столов. А вот Давиан спокоен как удав, словно знает, что с ними ничего не произойдёт, что всё будет в порядке и их не превратят в кровавую дымку единым залпом сотни орудий.

– Кто вы?!!! – вновь пространство сотряслось от громогласного вопроса, который волной устрашения раздался в душах ребят.

– М-м-мы... бе-беженцы, – спотыкаясь языком, мямлит Пауль. – Бе-бе-бежим из Рейха.

– Стойте на месте!!! Стойте, а не то порвём на мясо!!! – рявкнул угрозой голос. – Сейчас разберёмся!!!

Давиан с Паулем теперь и убежать не могут. Пристальный взор операторов нацелен на каждое их движение и сделай они шаг в сторону или даче чихни одно нажатие на кнопку и на их месте будет только кровавое месиво, останутся мокрые воспоминания о двух неудачниках, которые попытались войти за стену.

Пауля страх связал не меньше чем угроза смерти и даже если бы ему позволили уйти, он вряд ли смог это сделать, так как оцепенение сковало каждую его мышцу. А вот его друг

необычайно спокоен, и если присмотреться к его лицу, то можно заметить вуаль призрачной улыбки на губах, словно он внутренне рад происходящему.

Небольшой участок ворот, размером с небольшую дверь, тяжело приоткрылся, и оттуда появились три фигуры, в метрах трёхстах от двух парней.

«Чтобы ради нас да целые ворота открыли» – подумал Пауль и присмотрелся к тому, что есть громада металла, закрывающая им путь.

Это не створчатые ворота, которые закрываются и открываются двумя дверцами, это больше смахивает на большой пласт металла, который опускается вниз или вверх при открытии, а огромные перетянувшие его балки, сковавшие по бокам, представляют собой дополнительные рёбра жёсткости.

«Символы, странная символика» – забурила мысль в голове Пауля, который присмотрелся к гравировке, раскинувшей богатой россыпью по холодному покрытию врат. Это больше смахивает на картинку, выточенные на железе, но у них явно какое-то значение существует, ведь недаром на одном краю выточен символ солнца, на другом краю виднеется зубчатая шестерня, а посреди восемь не продолговатых стрел, берущих начало в одной точке.

«Когда же вы уже подойдёте?» – с нетерпением сам себя засыпает вопросами Давиан.

Этого юношу не интересуют символы и знаки на воротах, он впился глазами в людей, которые ступают через кусты колючей проволоки, которая запутана в замысловатый коридор. Парень взирает на людей и думает, кто же это может быть.

«Пограничники? Могут. Хотя такое развитое общество, как в Директории вряд ли будет использовать армейские пережитки».

А тем временем представители другой страны практически дошли до ребят и очертания их формы становились всё более понятными и различимыми.

«Вот они, люди нового строя, совершенного строя, великой системы» – восхищается идущими к ним воинами Давиан.

Каждый из них облачён в серые, максимально бесцветные одежды, из которых даже выхолощен даже оттенок. Пауль прищурился, но не понял, чем укрыты их тела – длинные, практические касающиеся земли кафтаны или шинели, с петлицами на груди. Ноги защищены брюками, уходящими под чёрный высокий кожаный сапог, к которому крепится наколенник. Ладони их обтянуты чёрными перчатками, по-видимому, тканными из шёлковых нитей.

Три человека через несколько минут оказались практически лицом к лицу с двумя юношами, где один смотрел с гордостью, а у другого в очах мелькает страх, опаска от присутствия здесь.

– В-в-вы кто? – спросил парень.

Но в ответ только тишина. У двух человек в руках покоятся белые длинные ружья, увенчанные широким дулом, их лица сухие и мрачные, как у статуй, а третий, вышедший без оружия, взором неживых светло-фиолетовых механических глаз рассматривает юношей, как пришельцев. И недолго разглядывая очертания «беженцев» его тонкие уста открываются, и пространство задрожало от его механического стального гортанного перезвона, как будто это не человек, а андроид:

– Зачем вы пришли сюда, люди?

– Мы здесь, чтобы стать частью просвещённого общества, – слово неожиданно взял Давиан, – мы хотим попасть в страну прогресса и науки. Мы бежали из Рейха, так как не видим в нём будущего, это убогое государство, не достойное вас.

На куплет хвalebной песни воин ничего не ответил, только продолжил рассматривать безжизненным взглядом юношей, откладывая в памяти каждую деталь, им присущую.

– А вы кто? – задался вопросом Пауль ещё раз, не надеясь на отзыв, однако в ту же секунду получил ответ.

– Я тот, кто поставлен охранять границу, – ответил голосом робота воин, – я тот, кто встречаю таких как вы. Я младший начальник Народной Гвардии военного отделения Великой Партии Коммуны по охране границ Директории.

В глазах и Пауля и Давиана в эту секунду пробежало непонимание, они оба нахмурились, так как даже не смогли запомнить, кто этот боец и за что он отвечает.

– *Kion ni faras kun ili?* – на непонятном для юношей языке прозвучал вопрос от одного из бойцов позади их начальника.

Для Пауля единственное, что могло значиться за непонятным словосочетанием, так это вопрос, что с ними будут делать, потому что особо и спрашивать нечего, как думает юноша, хотя ему даже невдомёк, что солдатам, которые на него смотрят, может быть интересно многое, начиная от причины прибытия и заканчивая особенностями государства, из которого они бежали.

– *Mi ne scias!* – хладно ответил главный боец и тут же обратился к двум юношам. – Вот, что с вами делать? Я даже не представляю, ибо у меня нет на руках партийного протокола. А хотя...

Воин дёрнул рукой и оголил запястье, скованное причудливым устройством, похожим на часы, но по всей поверхности виднеются блестящие участки, смахивающие на отблески тусклых маленьких лампочек, а там, где по логике мог находиться циферблат, усматривается широкий экран. Он аккуратно подвёл устройство к губам, устремляя в него монотонную речь:

– *Limo estro, ni havas problemon. Migrantoj.*

«Кому-то говорит о нас, о том, что ещё остались просвещённые люди с юга, которые готовы идти за истиной равенства и свободы» – начал думать Давиан, со сладостным восхищением строя в мечтах картины того, как их с помпой будут принимать, как хвалить за отречение от Рейха.

Пауля интересовало обратное – к кому Младший Начальник обращается и что говорит? И единственное что тут могло быть, в глазах парня, так это доклад их командиру, о том, что к границе кто-то пришёл.

Получив ответ, воин, не унимая холода и металлического перезвона в голосе, утратил своей речью юношей:

– Только что старшим начальником превратного гарнизона, Народной Гвардии военного отделения Великой Партии Коммуны по охране границ Директории, вы были наделены внеклассовым статусом «Беженцы под вопросом».

– И-и... что это зн-значит? – пролепетал вопрос Пауль.

– Нам необходимо будет вас конвоировать. Идите за нами.

– А вы, куда нас поведёте?

– Куда надо, – лязгнул младший начальник.

Двум юношам ничего не оставалось, как встать впереди конвоя и двинуться вперёд, через заросли колючей проволоки и, обступая каждый её витиеватый метр приблизиться к массивным воротам. За спинами парней шагали три бойца, преградившие им путь назад, чем вызывали неподдельный страх у Пауля, которые с трудом волочат ноги, скованные боязнью, что вяжет и дух. Юноша банально не понимает к чему всё это, а весь энтузиазм, которые его подстегнул бежать вместе с другом из Рейха, давно выветрился, рассеялся при первой встрече с границей и её слугами. Хотя он понимает, что всё это ещё по-божески, ибо ситуация действительно странная – два непонятных человека идут со стороны враждебного государства незная зачем. Покрути это в голове, Пауль представил картину, как их запросто могли расстрелять и это был наиболее вероятный исход, отчего юноше стало ещё больше не по себе. Ему, как человеку, жившему в достаточной безопасности раньше, трудно осознать, что сейчас его жизнь может оборваться в любой момент, в любую секунду, стоит только воинам сзади заподозрить что-то неладное и всё, им конец.

«Интересная символика» – перевёл своё внимание на гравировку врат Давиан, размышляя о том, что это могло бы быть, с восхищением взирая на исполинские символы, которыми украшены ворота.

– Быстрее, – потребовал сзади младший начальник.

Давиана совершенно не интересуют мотивы и настроения солдат. Он готов прыгать от радости, осознавая, что практически стоит на земле, где, по его мнению, самая лучшая жизнь и все его идеи воплощены в жизнь. Чувство страха притуплено фанатичной приверженностью к идеям Директории и поэтому Давиан сейчас если и испытывает страх, так это только жуть перед возможностью не понравиться новым хозяевам.

Все миновали колючку и приблизились к громадному нагромождению толстого металла, за которым простирается новая жизнь. Холодная монументальность, ощущение приниженности перед этими строениями вблизи только усилились, закрадываясь эфемерным ощущением трепета. Младший начальник прильнул к воротам и, простучав по паре кнопок на выступающем сенсорном экране, открыл небольшую дверцу, что с тяжёлым механическим стоном сама отворилась, без всякой помощи, поскольку её один человек вряд ли бы с места даже сдвинул. И как только проход распахнулся, все мигом юркнули туда, оказавшись в слабоосвещённом монотонно-сером помещении и даже не давая уловить ни единой черты местности, Пауля и Давиана уже захихнули в какой-то невзрачный лифт, который навеивает образ бетонной коробки.

Пауль вздрогнул и едва не проронил слезу, удержав себя от рыдания, когда ощутил, что в его спину уткнулось дуло винтовки. Юноша уже был готов проститься с жизнью, но тут же был успокоен:

– Не бойтесь, не бойтесь – приободрил их безжизненным машинным гласом младший начальник, – это мера предосторожности. Если вы не диверсанты, то и бояться вам нечего.

Спустя пару минут лифт остановился и его серо-стальные двери раздвинулись, выпуская тех, кого уже нарекли беженцами. Впереди пространство сжато узким коридором, стены которого холодны и невзрачны и только двери, вытесанные из дерева, привносят в него какое-то разнообразие в тускло-прохладную обстановку этого места.

– Нам вперёд, – без толики эмоции в голосе объявил о месте назначения воин.

Давиан увидел, что коридор заканчивается большой металлической дверью, на которой тускло мерцают блики лунных слабых ламп. Он с другом направился вперёд по воле охраны за младшим начальником, ступая по бетону, который даже ковром не прикрыли и через минуты две ходьбы они уткнулись в металл, прикрывший им путь дальше. Боец, который говорил с парнями, мелькнул перед ними серым пятном, из-за своей одежды способный слиться с местностью, введя в сенсорную панель специальный код и дверь отворилась.

Как только Давиан с Паулем шагнули вовнутрь, они удивились мизерности кабинета и его яркой приверженности всему безликому, кои не было даже в Рейхе. Обстановка в помещении ничем не отличается от прошлого ансамбля серости и невзрачности, которую ребята видели раньше. Такие же стены, помеченные печатью бледности и абсолютной бесцветности, такой же пол, отлитый из бетона, в котором мерцают отражения ламп, поливающих кабинет подлунным освещением, отбросившим всякий намёк на тепло. Тут нет ничего, кроме рабочего стола в форме буквы «П», на котором установлен небольшой плоский монитор, лишённый шнуров, а на чёрной плоскости крышки сияет клавиатура, встроенная в сам стол. Так же позади уставлены два больших ящика, так же принадлежащих монохромному удручающему карнавалу одного-единственного света.

– Товарищ старший начальник, я привёл к вам беженцев, – на новоимперском языке доложил стражник стены. – Ваши дальнейшие распоряжения?

За невысоким креслом воссел мужчина, на котором такая же форма, как и на всех воинах – белый кафтан с петлицами, только на воротнике пришит квадрат ярко-красного цвета, который видимо, позволяет определить звание. На парней кинули взгляд два живых глубоко

посаженных карих глаза, само истощённое сухое зрелое лицо с лёгкой седой щетиной на щеках и седым волосом обратилось к юношам.

– Докладывайте, – неожиданно для всех на языке Рейха спросил сидящий на кресле мужчина.

– Два человека, определяемых первичным визуальным анализом как юноши от восемнадцати до двадцати одного года, которым вы придали статус «беженец под вопросом», сегодня утром ровно в девять часов сорок три минуты подошли к «Воротам Альфа». Их целью, как они пояснили, было пересечение народной границы Директории Коммун, вызванное нежеланием больше пребывать на территории врагов коммунального народа.

– Хорошо.

– Ваши распоряжения?

– Ступайте, младший начальник, – хозяин кабинета опустил руку под стол и тут же поднял её, демонстративно потрясая ей, приковывая внимание к оружию, своими очертаниями напоминающее револьвер, только с квадратной батареей вместо барабана, без курка и удлинённым дулом, – я сам здесь управлюсь. Подготовьте протокол для «Народно-Партийного Совета Улья №17».

– Что написать в нём?

– Всё по «Народному Стандарту Протоколов Беженства». Не отклоняйтесь от стандарта на всякие детали. Не о чем тут особо писать.

– Так точно, товарищ старший начальник. Разрешите идти.

– Идите.

В кабинете повисла вуаль тишины, когда последний воин покинул это место, оставив парней один на один с командиром. Он их тщательно рассматривает, выверяет каждую деталь образа, досконально обследуя взглядом, словно покупатель, рассматривающий товар перед покупкой и желающий, чтобы вещь была без изъянов. Именно в таком направлении и думает Пауль, прикидывая, что так называемый «старший начальник» просто приценивается к ним, думает, куда можно забросить, на какую тяжёлую работу.

– Вы, наверное, удивлены, что мы сейчас вели общение на вашем несуразном «новоимперском языке», не используя наш великий «Lingua Esperanto Communistic», – опережая вопросы юношей, бесстрастно начал старший начальник, опрокинувшись на спинку кресла. – Я просто хочу, чтобы вы мне доверяли и рассказали всё как есть. Почему вы здесь?

– Lingua Esperanto Communistic? – удивился Давиан. – Я слышал об этом языке на лекциях, но нам его преподносили как варварское брэнчание коммунистических дикарей, которые пытаются всё обобществить. Теперь я вижу, что это не более чем гнилая пропаганда. Это же... эсперанто?

– Да, язык, на котором мы говорим, в старину может и звался эсперанто, но сейчас он первый язык Директории Коммун или «народный язык». Прошу звать его так.

– Несомненно, – согласился Давиан.

– Вернёмся к делу, – сурово заговорил воин. – Что вам нужно?

– Мы здесь, чтобы влиться в великое просвещённое общество. Мы здесь, чтобы больше не принадлежать Рейху и его прогнившему идеологическому курсу, – горделиво и пытаюсь произвести впечатление популизмом, сказал Давиан. – Мы тут, потому что идеи и правление власти Рейха не соответствует потребностям народа. Мы тут...

– А ты что скажешь? – обратился старший начальник к Паулю, даже не выслушав до конца Давиана, который от этого едва не вздрогнул; юноша ощутил всё давление холода этого места, но большую прохладу на душе у него вызывает лёд в глазах старшего начальника.

– Я? – замешкался Пауль и не найдя, что ответить, робко выговорил, указав на друга. – Я с ним, полностью согласен, – однако Паулю этого показалось не достаточным, отчего он проронил ропотную весьма странную похвальбу. – Очень интересная у вас причёска.

– Стандартизированная причёска для слуг Народной Гвардии в статусе Старшего Начальника, утверждённая «Военно-народным Постановлением», – чёрство ответил мужчина, – ничего удивительного тут нет. Ладно. Что вы ждёте от Директории Коммун? – так же бездушно запрашивает старший начальник.

– А к чему вообще все эти вопросы и расспросы? – позволив себе недовольство, спросил Давиан и чуть задрал подборок. – Разве одного нашего желания влиться в общество коммун недостаточно?

На иссушенных губах старшего начальника промелькнул морок коварной улыбки, хотя это не было похоже на неё, но ничем другим быть не могло. Он с бездушным гневным напором отбил уже своё недовольство к Давиану:

– Юноша, сейчас вы находитесь в моей власти. Вы пока не один из нас, вы никто, а поэтому вам следует помолчать. Я вам задаю вопросы, утверждённые «Народным Указом по Беженцам», то есть выполняю волю народа, и не смейте больше меня спрашивать чего достаточно, а чего нет. Это понятно?

– Да, госп...

– У нас нет господ! – взелся старший начальник. – Мы давно искоренили господство любого рода и само это слово есть великое оскорбление, за необоснованное нанесение которого можно лишиться языка.

– Понятно, – повинно склонил голову Давиан и буркнул. – А как тогда к вам обращаться?

– Пока никак. «Беженцы под вопросом» народом наделены правом только слушать партийцев Коммуны, но вот правом обращения к ним не наделены, – после этих слов старший начальник поднялся с места, снова вопрошая. – Что вы ждёте от Директории Коммун?

Первым вознамерился ответить Давиан. Юноша завёл руки за спину, приподнял голову, взглянув в ледяные глаза старшего начальника и уластив свою речь призрачно уловимой похвалой, стал говорить:

– Я знаю, что стою у врат истинного правления народа, на пороге полного равенства, где, как вы удачно выразились, нет господ, нет святош, которых мы должны слушать. Я не то что бы жду, – наигранно приложил Давиан ладонь к подбородку, – я знаю, что Директория Коммун лишена всяких антинародных элементов, вроде бюрократов или священников. Там в Рейхе были те, с кем мы по умолчанию должны были считаться, те, кто владел большей властью, чем народ, потому что служит поганому культу или стал цепным псом засранца – Канцлера. Я знаю, что тут этого нет, ведь недаром ли скрывали ваш край от нас? Не хотели, чтобы люди жили по-людски.

Пауль, слушая, как говорит его друг, как он подаёт говор, осознал для себя, что смысл сказанного Давианом отравлен банальной завистью, желанием стать чем-то больше, чем обычный гражданин, которому уготована судьба потеряться в истории, стать неизвестным. Он пытался себя показать ещё дома, когда начал играть в смехотворную революцию и «партию», в жалкой попытке сделать себя главным во всей компашке друзей, или хотя бы создать себе значительный вес и авторитет в глазах товарищей. И зависть, смешанная с гордыней его повела сюда, стремление, прикрытое идеями равенства и справедливости, в другом обществе, при других людях стать известной, весомой личностью, пригнала его сюда.

– А ты?

Вопрос выбил Пауля из его размышлений, но парень мгновенно взял себя в руки, подавив нотки дрожи в речи, спокойно ответил:

– Я по тем же причинам, что и мой друг.

– Друг, – шёпотом то ли усмехнулся, то ли возмутился мужчина.

Старший начальник выслушал обоих, после чего приблизил к устам запястье, и в тот же миг сверкнуло то же устройство, что ребята видели раньше и холодно сказал:

– Соберите конвой по Форме-Б-1 и готовьте машину. Отправьте звено ко мне и направьте первичный протокол младшего начальника в семнадцатый.

– Мы теперь в Коммуне? – с горящей в голосе надеждой спросил Давиан, но получил ответ, который только удручил его.

– Не мне судить, кто вы, – с мрачной тяжестью сказал старший начальник. – Я всего лишь провёл вторичный анализ, который будет внесён в протокол, который я направлю в... а не важно. Вашу судьбу решит народ. Точнее «Народно-Партийный Совет Улья №17», – старший начальник нажал пару кнопок на компьютере, открывая дверь и впуская воинов, сказав. – И запомните, вы стоите на пороге страны, где равенство не просто звук пустой, а догма, мерило жизни. Равенство – наша суть.

Глава вторая. Ласковые объятия Коммуны

Спустя два часа. Улей №17.

Холодная металлическая поверхность корпуса машины сильно остужает спину, которая слегка касается стенок. Двигателя практически не слышно, только чувствуется мягкое и тихое гудение механизмов, несущих авто по ровной прямой дороге. Двое юношей с опаской посматривают на своих охранников – всё те же люди в безжизненно серых шинелях, с потряхиваемыми кобурами на правом бедре, беспрестанно уставивших взгляд на парней.

– А сколько ещё нам ехать? – спросил Давиан, надеясь на ответ, однако никто и уст не раскрыл, продолжив бесстрастно наблюдать за тех, кого необходимо доставить в город.

Давиан отстранился, опрокинувшись спиной на стенку, ощутив, как холод оголённого металла коснулся его спины. Он оглянулся ещё раз, пытаясь увидеть что-то новое, но всё то же устройство задней части машины удручает – хмурые, лишённого всякого намёка на цвет стены, пышущие морозом, который ещё сильнее нагнетается гудящим кондиционером. Из источников света тут только два небольших окошка, в которых не мелькают образы того, что за пределами авто, ибо они прикрыты тонированными с двух сторон стёклами. Сидеть неудобно из-за достаточной жёсткости сидений, потому что деревянную форму просто обтянули серой тканью, и поэтому боль в нижней части спины и отёчность становится с каждой минутой поездки всё более неприятной и отчётливой, занимающей спектр мыслей размышлениями о том, как удобней сесть. И чтобы хоть как-то отвлечься один из юношей решил поговорить с другом:

– Пауль, – полушёпотом воззвал Давиан, – Пауль, ты как? А то ты какой-то больно мрачный.

– А? – не расслышал речь друга парень. – Ещё раз?

– Всё хорошо? – поднял голос Давиан.

– Да, – потерянно ответил Пауль, – всё хорошо.

Увидев, что товарищ не в лучшем расположении духа юноша не стал больше его трогать, давая остаться ему наедине со своими мыслями и не давая лишнюю причину для приступов параной их охраны, которая пока сохраняет железную выдержку. Давиан погрузился в свои мечты и мысли о том, что их ждёт впереди, рисуя перед собой картины счастливого и беззаботного будущего, где он предаётся только интеллектуальному утомлению, помышляя о том, что вся трудная работа тут же переведена в ведение механизмов. Именно так рассказывали учителя Рейха, умоляя эту особенность производства тем, что люди так предаются больше лени и похоти, оставляя священный труд. Давиан уже наносит первые штрихи на мольберте мечтаний, как он станет блистать интеллектом, познавая и развивая великую коммунистическую мысль, как его будут превозносить в статусе человека, отринувшего своё прошлое, проклинаящего свою родину только затем, чтобы стать частью в его глазах величавой страны.

«Великое общество – великие идеи, а значит и люди там не менее великие разумом» – развивает мысль Давиан, представляя, как станет титаном нового для него мира.

Юноша утонул в упоительных сладких грёзах, думая, что он в новом обществе засияет подобно звезде на ночном небе, рассуждая о том, что там нужны такие люди как он. Паренёк думает, что просвещённый праведный народ примет его в лоно коммуны, ибо, такие как он – живые символы того, что костяк Директории – идеология равенства, а не национализма, и что эта идея народа сильна даже там, где её похоронили, объявили опаснейшей ересью.

– Пауль, как думаешь, нас примут? – проронил вопрос Давиан, надеясь, что сейчас его друг разведёт хвалебную тираду о необходимости такого человека как вопросивший, но парень ограничился скудным и весьма бесстрастным ответом:

– Не знаю.... Тебя-то да.

Давиан, получивший не то, что он желал, больше не стал беспокоить приятеля, и снова упорхнул рассудком в сахарный мир самовозвеличивания.

Пауль не обратил никакого внимания на вопрос Давиана, потому что знает, чем он порождён – гордыней или что ещё хуже – чувством неудовлетворённого достоинства, которое он не смог улажить в Рейхе. Давиана совершенно не беспокоит судьба друзей, которые были в Риме вчера, его не интересует будущее тех, кто убежал в Либеральную Капиталистическую Республику, он стал полностью апатичный к этому, обратив весь разум к тому, как их примут в Директории, как их будут славить, и как они будут там жить. И это пугает Пауля, приводит в ступор, который сменяет страх от первого впечатления прибытия в Коммуну. Пауль догадывается, что Давиан ищет в объятиях Директории способ удовлетворить своё уязвлённое самолюбие, и это пленит его, делает заложником мысли о совершенстве того народа в который он хочет влиться. И один страх сменяет другой, ибо Пауль действительно забеспокоился о влиянии идей Директории на своего товарища, который ими уже порабощён и прельщён до такой степени, что они стали единственным, что занимает его разум.

Тем временем машина заметно снизила темп езды, всё больше делая поворотов, что говорит о том, что они куда-то заехали. Все ощутили, как автомобиль повернул влево и увеличил скорость, но уже через пару секунд сбросил её, практически остановившись, черепашьей скоростью тащась по городу.

– Мы приехали? – спросил Давиан у охранников, но снова наткнулся на стену безмолвия.

Вскоре, через минуту машина остановилась полностью, прекратив какой-либо ход, и народные гвардейцы сопровождения замешкались, кто-то открыл двери, кто-то взялся за кобуру, вынимая пистолеты.

– На выход! – рявкнул гвардеец, указывая дулом на распахнутые двери и юноши подчинились, моментально вышмыгнув из кузова массивного джипа, выкрашенного в цвет холодного камня.

Едва лишь юноши миновали границы авто их глаза узрели миг, вырванную среди общего городского каскада строений черту улья и это название поселения полностью соответствует его образу. Высоченные блоковые дома, без прокраски, добираются до самого небосвода и упираются в него подобно колоннам, держащим потолок мира. Каждая постройка, которую удалось захватить взглядом, массивная и безлика настолько, насколько это, возможно, чем-то напоминающая культополисарии печально известного Культа Государства в Рейхе. Пять, шесть зданий, которых удалось выудить из узкого коридора, образованного нагромождением бетонных коробок мало похожих на жилые дома, одним видом продавливают в душе эмоциональную яму, внушая необычную скорбь и печаль.

«Нет, это не дома, это ящики для людей. Кто этот безумный “человековод”, построивший улья?» – Пауль, окинув взглядом первые, попавшиеся в обзор дома, нашёл их сходство с пчелиными ульями, иронично подметив для себя, как этот город называл старший начальник.

– Давай-давай! – пихает народный гвардеец в спину Пауля, заставляя его податься вперёд, оторвавшись от наблюдения за городскими пейзажами.

Давиан же с видом павлина уже готов встать во главе всей процессии и явиться туда, куда их ведут, но ему пришлось отступить, позволяя встать двум гвардейцам впереди, пока ещё пара их будет вести позади.

Они двинулись через узкий коридор, который образован из нагромождений двух неимоверно высоких построек, скребущих небеса и продавливающих землю твердь своей массой. Ступив в проход, по глазам парней ударило холодное освещение от тусклых ламп, заставив зажмуриться на пару секунд, прежде чем зрение свыкнется с гнетущим освещением слабо горящих ламп, ибо кроме них другого освещения тут нет, и если бы не их присутствие царство вечного мрака опустилось бы в это место. Каждый сантиметр стены невзрачен, и избавлен от какой-либо окраски внушая в душу ощущение полной безнадёжности, пылая каменным хла-

дом вторгаясь в разум чувством сумрачного оцепенения, будто бы это дорога в преисподнюю. А впереди весь путь венчают метра четыре высотой ворота, отлитые из чугуна, тяжеленные и вселяющие трепет одним видом, украшенные ранее зримым изображением.

– А что это за символ? – без смятения спросил Давиан. – Восемь стрел, выходящих из одной точки?

Однако ни один народный гвардеец ничего не ответил. Они с каменными лицами продолжили юношей флегматично вести к воротам.

Пауль, рассматривая местечко, куда его завели, уже пожалел о том, что пошёл вместе с Давианом. «И на что же здесь я надеялся?» – сам себя укоряет юноша, безрадостно повесив голову идя к воротам, но его печаль моментально сменилась удивлением:

– Стойте, – с дрожью в голосе остановил всех гвардеец, сказав это на новоимперском, встав в тени массивных врат, продолжив с намёком на благоговейную дрожь в голосе. – Прежде чем войти, нужно зачитать двести третий «ксомун» о славе народной власти.

– Ксомун? – настороженно спросил Пауль. – Это что?

– Хвалебная песнь народу. Произнося её, мы воздаём хвалу великому народному духу и его проводнику – Партии. Каждый раз, читая ксомун, мы удобряем великий дух народа, его суверенную волю, чтобы она была к нам милостивее. Так что повторяйте за нами ксомун.

«Псалом» – привёл сравнение с хвалебной песней народу Пауль. – «Они собрались... молиться? Только убежали от этого, а вот тебе снова молитвы и кому? Народу? Что за бред?»

– Вот это правильно, – радостно подметил Давиан, сверкнув тёмно-синими глазами и сумасшедшим блеском в них. – Песни хвальбы нужно воздавать народу и только ему, а не какому-то затхлому божеству. Я бы даже от утра до вечера молился народной воле, если бы столь просвещённый социум как этот дал мне шанс.

Народный гвардеец ничего не ответил на песню лести Давиана и без слов машинально вынул небольшую книжечку, обтянутую чёрно-красной обложкой, разделённую пополам цветами наискось. Став гулять зелёным диодным глазом по страницам он быстро обнаружил нужный текст и, сменив бесстрастность в голосе, запыхнул фанатичным воззванием к воле народа:

– О великий дух народный, да восхвалим тебя все вместе! – Давиан с рвением, и Пауль безрадостно повторили слова и вновь приготовились внимать говорящему. – Народная воля созидает страну коммун и собирает изгнанников его послушания! Восславляемая народная воля исцеляет все скорби по свободе и дарует удовлетворение потребностей производственных! Равных она возвышает, а тех, кто стремится к неравенству, изничтожает! Пусть славиться Воля Народная, дух святой воплощённый в народе святом, ибо только она нас ведёт по путям истинным, демократическо-коммунистическим! Славься! Славься! Славься!

Ксомун был завершён и Пауль, его повторявший попытался постигнуть его смысл, но ничего кроме голимый абракадабры, которая якобы должна славить некую «волю народную» он уловить не может. И даже не хочет принимать это, ибо его разум, протестующий, гонит всякую мысль, что ритуалы и обряды могли проникнуть в общество, нарекающее себя свободным и равным, прикрывающимся идеологией коммун.

Народный гвардеец убрал книжку, швырнув её в карман, и за пару шагов приблизился вплотную к воротам, встав лицом к лицу с сенсорной панелью, стал что-то набирать и двое юношей едва вздрогнули, когда услышали металлическое низкое и грубое звучание голоса, сотрясающее все фибры души одним только звуком, исходившее будто от самих ворот:

– Приветствую вас товарищ Влад. Что вы хотите?

– Проведение людей в статусе «Беженец под вопросом» на заседание народного органа народной власти по вопросу приёма в Коммуну, – чётко дал ответ гвардеец, пока сканы, собранные из пучков света носились по его лицу, собирая информацию.

– Основание? – запросили ворота.

– Протокол под номером один-ноль-один-тринадцать.

– Добро побаловать товарищ в Народно-Партийный Совет Улья №17, – и как только металлически устрашающий голос стих ворота отворились.

Давиан и Пауль пошли дальше и за их спинами остался узкий коридор, закончившись, и теперь перед ними открылись колоссальные пространства, не вмещающие взгляд и подобные квадратному амфитеатру. Под ногами постукивает маленькая каменная плитка, которой уложена целая небольшая площадь, куда их привели, от которой, вверх возносятся целые ряды, уходя на десятки метров ввысь, и получается какая-то воронка квадратной формы, на самом дне которой они оказались и если бы не свет от сотен или даже тысяч экранов с изображениями лиц, тут царила бы тьма, и только свет, бьющий из открытой крыши слабо пробивался на самый низ.

Гвардейцы тихо, будто тени у стен, рассредоточились по углам, сжав пистолеты в ладонях на всякий случай и получилось так, что своей формальностью и какой-то присущностью к этому месту, схожестью образами, они стали частью амфитеатра, слившись с ним.

«Часть народа, часть улья» – подумал о гвардейцах Пауль, отметив для себя их... обезличенность.

Пауль оглянулся по сторонам, чувствуя, как сердце от страха перед неизвестным будущим, застучалось ещё сильнее, а грудь сковало трепетное чувство боязни сделать что-то лишнее, когда на тебя уставилось больше тысячи глаз. Вместо людей на рядах восседают на специальных подставках экраны, в которых мелькают разные лики, с осуждением вззирающие на юношей. Всё тут серо и уныло настолько, насколько это мыслимо и даже сам образ этого места снова сооружает в воображении черту гигантской бетонной коробки. Но больше всего беспокоят именно взгляды, сотни, если не тысячи лиц на сером полотнище экрана и все пристально разглядывают их, отчего становится просто не по себе, даже жутковато, но больше всего берёт дух неловкость и стеснительность.

– Боже помоги, – шёпот Пауля вызвал гневный укор Давиана, в очах которого вспыхнуло пламя ненависти к другу за произнесённые слова и только нематериальное присутствие неисчислимого множества людей сдержало парня от нанесения ударов.

Юноше стало ещё страшнее от того, во что может выродиться Давиан. Он уже встал на путь службы Директории, когда стал льстить всем и вся и явно стремится намного глубже проникнуться в таинства или даже... мистерии этой страны, превращая свою душу в дух слепого преклонения. «Мистерии» – проговорил испуганно юноша, боясь, того что их ждёт дальше.

– Добро пожаловать в коммуну №17 беженцы под вопросом, – раздался отовсюду добродушный женский голос, ставший чем-то выразительным и ярким посреди всего марша серости и невзрачности, царивший вокруг. – Вы прибыли в Народно-Партийный Совет Улья №17 для получения вами статуса младшего бесклассового бесчинного неполного партийца, как следует из переданного протокола. Скоро вам дадут ваше партийство, то есть связь между человеком и партией.

– Партийцами? – спросил Давиан. – То есть? Мы вроде не в партию вступаем, – и тут же Давиан, чтобы исключить всякое непонимание и возможность оскорбления сделался мягким. – Мы можем просто чего-то не понимать, не знать, как устроено в вашем развитом обществе и поэтому не могли бы вы наполнить наши убогие умы знанием о том, что сейчас будет?

– Да, беженцы, – на этот раз заговорил уже мужской голос. – Вам стоит запомнить, что Директория Коммун не государство, но страна, где правит народ и выражение её воли – Партия. Каждый, будь то беженец или новорождённый, принимается сразу в Партию и поэтому она становится не просто проводником воли народа, а им самим. Всё в воле народа и делается по его согласованию, и без его демократического ведома ничего, даже в жизни одного человека не произойдёт.

– А кто нам тогда будет выдавать... партийство?

– После проведения опроса вас на предмет достаточной коммунистичности, заслушивания всех партийных и народных мнений, после всех прений и споров, пройдёт народное голосование, на котором всё население нашего Улья проголосует за принятие вас в свой состав.

– А как же Партийно-Народный Совет? – уточнил Пауль. – Разве он не имеет полномочий по приёму?

– Совет может задавать вам вопросы, объявлять повестку собраний, как представитель высшей просвещённости, а также убеждать народ в своей позиции. Но последнее слово за людьми.

– То есть будет голосовать всё население Улья? – спросил Давиан. – И мы станем полноправными членами Директории?

– Именно, но не совсем. Вы сможете пока беспрепятственно передвигаться и принимать участие в жизни Улья №17 и не более того, так как весь народ Коммун не давал своё согласие на полную интеграцию. Через полгода будут поданы уже на всенародное голосование списки тех, кто под вопросом на абсолютное принятие и народ за вас проголосует.

– Но... но... – не находит слов Пауль решает ничего не возражать, формально отпустив. – Что ж, демократичненько... нормально.

– Я понимаю ваше удивление, но мы живём в обществе равных партийцев, где всё, вплоть до самых незначительных деталей решается обществом, соблюдая принцип абсолютной демократичности. Всё должно решаться в соответствии волей народа. Так была построена Директория Коммун, тем она и живёт!

– Как они это решат?

– Сейчас большинство жителей Коммуны наблюдают за вами через телевизионную передачу «Народные Выборы Улья №17» с пультом голосования, а некоторые голосуют по специальным телефонным приложениям. И они по итогу за две минуты решат вашу судьбу. Всё у нас высокотехнологично и создано для быстрейшего проведения народной воли в действие.

– А почему вы с нами говорите на новоимперском? Я думал, тут этот язык не изучают.

– О-о-о, юноши, его знает большая часть нашего Улья из-за близости к потенциально-сто процентному врагу – Рейху. Мы не можем не знать наречия нашего противника.

Пауль на мгновение окунулся в воспоминания и нашёл в памяти случай, как ему выдавали паспорт гражданина Рейха, и усмехнулся своим мыслям. Десятки документов, несколько инстанций и в конце всего этого комиссия – священник, представитель Культа Государства и два или три человека из различных министерств. Но даже они были обучены и знали все тонкости бюрократического процесса по выдаче документов, а здесь кто их принимать собрался? Кто им будет выдавать... партийство? Народ, который в этом не мыслит? И сейчас их судьбы зависят от того, насколько всё понравится... народу? Для Пауля это стало чем-то странным и даже диким, когда твою судьбу решают на всенародном голосовании.

«Получается какая-то... диктатура народа, тоталитаризм его решений» – пробежало мельком в мыслях юноши, и тут же было отброшено приятным громогласным женским голосом:

– Но всё, нам пора начинать. И прежде чем мы откроем заседание, я обязана зачитать Вступительную Коммунию к первопартийцам, которые создали Великую Коммунистическую Партию.

«Коммунию» – встрепенулся от изумления ум Пауля и пустился в возмущение. – «К первопартийцам? Да у них тут самый настоящий культ, это же... религия без Бога. Они бы ещё сказали литанию к первосвященникам, ничего бы по смыслу и не изменилось», однако юноше приходится оставить внутренний бунт и слушать напев:

– О первопартийцы, взываем к вам, чтобы в нас была мудрость ваша, чтобы мы учились у вас, и чтобы постигла нас слава ваша. Первopартийцы, пусть имя ваше бережёт нас от противника всякого и да спасёт нас вера Коммун от всякой ереси религиозной или государственной!

Литания окончена и на амфитеатр опустилась вуаль тишины, что через полдесятка секунд была отброшена звонким вопросом, раздавшимся в одноголосье из десятка колонок:

– Согласно протоколу вы прибыли по причине идейного побега из Рейха, связанного с несоответствием с вашими ценностями, это так?

– Да, – робко отвечают парни. – Так.

– Однопартийцы, предлагаю перевести причину из бегства в идеологическое преследование людей-приверженцев коммунистической идеологии. Так мы можем показать народу, что наши будущие партийцы – жертвы режима Империи на юге. Что скажет Совет?

«Вот вы как определяете повестку» – про себя усмехнулся Пауль. – «Вот так из беженцев мы становимся несчастными жертвами идеологического преследования. Хороши полномочия Совета».

– Товарищ Земан, соглашусь с вами, – колонки выдали чей-то хриплый голос. – Так мы покажем общественности важность новоприбывших в плане идейного противостояния с Рейхом.

– Товарищ Александр, – заговорила какая-то девушка. – Помимо этого, хорошо будет для Партии, а значит и народа, если мы введём их в статус младшего бесклассового идейного неполного партийца и поставим на работу пропаганды отвратительности идеологических противников Директории.

– Согласен товарищ Вероника. Только не думаю, что юноши понимают, кем им придётся стать.

– Так ребята, – обратилась девушка, – вам нужно будет первое время рассказывать народу о том, как плохо живётся в Рейхе, о том, как он ущемляет свободу и преследует всех коммунистов. Естественно, на основании Народного Декрета о Равенстве вам не будет никаких материальных преференций, но можете надеяться на почёт людей их добродушие.

«Чем это отличается от Культа Государства, что чернит другие страны и превозносит Рейх?» – снова направляет вопрос к себе Пауль, лихорадочно пытаясь разобраться, в чём отличие Директории и Империи, кроме общественного строя. – «Они же практически ничем не отличаются. Один фанатизм сменяет другой, одна пропаганда сменила другую, и всё».

– Мы только согласны, – расплывшись губами в улыбке, счастливо ответил Давиан, с сумасшедшим сиянием в очах приковав взгляд к панелям, взирает на экраны парень, будто зомбированный.

– Декрета о Равенстве? – поинтересовался Пауль.

– Ребёнок или взрослый, мужчина или женщина, учёный или дворник, лётчик или уборщик – все равны в материальном достатке, – гордо даёт ответ девушка, – все равны в правах и обязанностях. Единственная разница, в соответствии с Народным Установлением «Каждому по Потребностям», люди с более высокой затратой энергии на работе могут получать от народа любовь, почёт и регулярные подарки.

– Но они же не знают языка, товарищ Вероника, чтобы вести пропаганду.

– Да это пока, – бахвалится Давиан. – Мы, я, чтобы превратиться в частичку этого мира, отличного от Рейха, с радостью буду учить все учебники по эсперанто.

– Вы готовы учить наш великий *Lingua Esperanto Communistic*?

– Без всяких споров, конечно, мы выучим этот язык, – стремительно соглашается Давиан.

«С первым вопросом разобрались» – подумал Пауль, когда снова тишина легла на это место и по странному все умолкли. Слышно только гудение экранов и издали доносятся звуки городской жизни.

– Вот и разобрались, жертвы идеологического преследования, – зазвучал женский голос. – Теперь скажите, на проверку вашего соответствия нашему обществу, что для вас коммунизм?!

Вопрос грянул будто гром, ударивший отовсюду, так как девушка попыталась его прозвонить наиболее громко и чётко, чтобы его суть донеслась до каждой клетки организма. От такой громкости и звукового порыва, ударившего из колонок, Пауль содрогнулся, ощутил, как картинка перед глазами поплыла, и его голова на миг закружилась, то ли от страха неожиданности, то ли от крика девушки, которая изо всех сил выделила последнее слово.

Давиан охотно согласился взять первое слово при ответе на этот вопрос радостно, обратив лик экранам, будто заправский проповедник, начинал вдохновенно с чувством самозабвения говорить:

– Он есть высшая формация общества, потолок его развития, присущий только высоко развитым существам, лучшим из лучших, прибывающим на последней ступени социальной пирамиды.

Пока Давиан впал в словоблудие, Пауль задумался. Их возвысили в статусе, сделав жертвами Рейха, и за этим последует народная любовь и сочувствие, им уже сейчас дают работу, где они будут глаголом жечь сердца людей, разжигая в них ненависть к южному соседу, но зачем?

«Неужто они пытаются произвести собой какое-то впечатление, дать ласку и тепло, но зачем? К чему всё это?».

И опосля секунду Пауль улыбнулся домыслам, одновременно впадая и в ступор от нахлынувшей в душу волны опасения. В Рейхе им рассказывали, как секты древности вербовали неопитов и первым этапом, этакой приманкой, когда нужно создать чувство непререкаемой лояльности, была самая настоящая умящение нежностью, когда вновь прибывшим давали понять их важность и нужность. Более старшие «братья» и «сёстры» брали под заботливую опеку новичков, но чтобы только сделать их податливыми, сломать всякую опаску и тревогу напором тепла и мнимого уважения и всё затем, чтобы потом сковать цепями рабства.

«О! И что же будет дальше!» – встревожился Пауль, и в мыслях и хотел было закричать, но понял, что это будет непростительной ошибкой и с опечаленным взглядом, продолжил слушать своего друга, который всё продолжает петь хвалебную песнь, ставшую ответом на вопрос:

– Он альфа и омега – верх всех систем! Он есть высший дух эволюции человека! Он... он... он!... – стало не хватать воздуха и мыслей Давиану.

– Хороший, хороший вы товарищ будите, – похвалили члены Совета Давиана, усладив его самолюбие. – Такие мудрые и правильные слова. Думаю, что наша Коммуна только рада будет получить такого пылко-идейного юношу. Не каждый может так красноречиво и ревностно объяснить всю суть нашей жизни, при этом завернув это не просто в пустое хвостовство идей, а в истинно-правильную речь.

Давиан самодовольно улыбнулся, сложив руки на груди и задрал подборок. Он уподобился воплощению чистого самодовольства, которое только что не просто оценили, а осыпали превозношением и хвалой, как увидел это Пауль, с отторжением посматривающий на друга, всё больше утопающим в чувстве собственной важности, умело распыляемом Советом.

– А что скажет ваш товарищ? – спросила девушка. – Что вы скажите по существу вопроса?

– Полностью согласен с ним, – сухо произнёс Пауль. – Тут даже добавить нечего, всё сказано отлично.

– Вот видите... как вас, ах да, товарищ Давиан. После ваших слов и добавить многим будет нечего. Это просто восхитительно!

«Правильно, разжигайте ещё сильнее печь его самолюбия и гордыни в сердце, пуще разгоняя паровоз его фанатизма, чтобы он в будущем снёс всякие моральные ограничения в голове» – озлобился Пауль.

В третий раз к этому месту подступила тишина, и отдалённое звучание пролетающего над головой самолёта как-то рассеяло густую тишь. На этот раз всё затянулось на двадцать-тридцать секунд, пока вновь не заголосили все динамики:

– Так, Совет практически во всём определился, товарищи юноши, – донёлся звонкий мужской голос. – Нам нужно только услышать ваши навыки работы, чтобы определить, куда вас поставить отрабатывать рабочую, военную или слова повинность.

– Повинности? – поразился Пауль и про себя выразил недовольство. – «А может ещё барщину нам отпахать на поле?»

– Да, каждый партиец выбирает для себя путь в жизни.

– Может тогда, пусть нас выберут начальники, исходя из наших умений.

– О, – всколыхнулся голосом мужчина. – Мы не в буржуазно-сгнившем обществе, где есть рынок труда, и люд трудовой там выбирал поганый буржуа как товар. Тут все люди равны, и каждый партиец сам выбирает свою судьбу, но если только этот выбор будет одобрен народом.

– Ах, – искривил губы Пауль в улыбке, за которой скрылось глубокая укоризна. – Народ ещё и одобрит наше место работы?

– Всё решается по воле народа, которая своим решением постановит, где вы будете работать. Это и есть высшее проявление истинного народовластия, абсолютной демократии, когда каждый аспект жизни любого члена общества согласуется с другими людьми.

– А это не могут сделать начальники? – спросил Давиан. – Ну, утвердить наше место работы.

– Нет, это нарушает народовластие. Но не бойтесь ребята, коллективы, осуществляющие путём создания трудовым советам, управление вас примут с радостью и... по нашему настоянию вам будет выделены дополнительные «народные подарки», – слащаво окончила фразу девушка.

– А как вы будете настаивать на подарках, если решение за людьми? – непонимающе в вопросе роняет слова Пауль.

– Всё решает партия, – гроыханием голоса трёх человек докладывается из динамиков.

– Но ведь же народ...

– Партия и есть народ! – оборвал некий мужчина Пауля. – Народ и есть Партия, так же как и партия есть народ и поэтому решение партии соответственно решению народа.

«Куда я попал? Что тут творится?» – вопросы рождаются один за другим, колебля разум только одного из друзей, а второй с радостью и готовностью, притянув взгляд сияющих очей к экранам, соглашается влиться в новое окружение:

– Я умею... хорошо говорить, поэтому выбираю путь повинности слова!

– Очень хорошо, а что же ваш товарищ?

– Так же спешу влиться в этот путь, – безрадостно говорит Пауль.

– Вот и славно, молодые люди, теперь вы практически приблизились к заветному статусу неполного партийца и товарища. Первое время, вам парни, будет трудновато, – заговорила девушка. – Но, крепитесь, всё будет в порядке.

– Предлагаю запустить, естественно с народной санкции, процедуру «Ласковые Объятия», когда коммуна, давая понять, что новые члены ей важны, будет в течение дня перечислять в фонд новых товарищей «подарки»?

– Думаю, товарищ Александр, что несогласных тут не будет. Ну что начнём?

– Начнём! – слышится от каждого члена совета Поддержка. – И пусть народ решит, как всё будет!

Тьма, рассеиваемая слабым свечением экранов, начала стремглав отступать, уступая место яркому свету, который полился из десятков загорающихся прожекторов. И как только фонари включились на полную мощность, и пространство осветилось светло-серыми оттенками, отразив бликами на зеркально отполированных поверхностях десятки ламп. Пауль немного зажмурился, когда это место утонуло в свете, прикрыв глаза рукой, как и Давиан, но глаза перестали их беспокоить очень быстро, ибо из всех динамиков и даже за пределами этого здания, на улицах города, излилась низкая грубая монотонная речь, без всякой эмоции:

– Всех смотрящих канал «народного выбора» рады приветствовать от лица Партии. Итак, уважаемые товарищи, сегодня мы проведём референдум в Улье №17 по вопросу принятия в наш социум новых членов. Перед вами жертвы идеологического гнёта Рейха, который преследовал их из-за приверженности к святой идеологии Коммун и, не выдержав давления, ночью, оставив семьи, они бежали к нам, ища защиты и крова. Они лишились всего ради исполнения мечты стать частью коммунистического общества, где уже выбрали свой путь святой повинности слова. За вами, за народом праведным остаётся право определить, станут ли они частью нас с вами и примут участие в жизни Коммун, посвящая себя труду и всеобщему благу, или же отправятся восвояси. Назначается две минуты голосования.

«Нас будто продают на рынке, как товар какой-то» – с тоской сам себе твердит Пауль, вконец разочаровавшись в Директории, но всё ещё сохраняя в сердце надежду, что всё лучшее ещё впереди.

Могучий голос стих, и безмолвие пало на целых две минуты, оставив двух парней лицом к лицу с людьми Улья №17. За две минуты будет решена их судьба, за две минуты люди, несколько десятков или даже сотен тысяч решат, оставаться им здесь или нет, основываясь только на том... что дала Партия. Никакой лишней информации, никакого времени на её поиск, ничего кроме двух минут и нескольких строчек о парнях. Демократический процесс стал неимоверно быстрым и отлаженным, постановка вопроса перед народом и сразу через содействие высоких технологий понятный ответ, без бюрократических излишеств. И вроде бы всё хорошо – власть народа абсолютна, принятие решений – моментально, без проволочек, без задержек, но именно это и порождает холодок ужаста в душе Пауля. Он видит, что всё сведено к «да» или «нет» от народа и его тотальность воли его доведена до сущего абсурда, а двух минут явно мало, чтобы изменить судьбу человека, что порождает машинальное бездушие в решениях, да и мнение направляется Партией.

Две минуты Давиан и Пауль с трепетом и волнением ждали пока люди, которым сейчас удалось принять участие в маленьком референдуме, проголосуют, пока все те, кого сумели предупредить дадут своё решение, а покров затишья только усугубляет обстановку насыщенного смятения и тревоги.

– Вот и конец! – воскликнул мрачный голос, своей резкостью и неожиданностью едва не опрокинувший Пауля в обморок.

– Ну-ну. – Разволновался Давиан, монотонно выпрашивая результат.

– Решением народа, в девяносто семь процентов, вы принимаетесь в Улей со статусом младшего бесклассового идейно-иконного неполного партийца на работе пропаганды отвратительности идеологических противников Директории Коммун, – и только стоило последнему слову пасть, прожектора сию секунду потухли, вновь погружая квадратный амфитеатр в темень.

Разные чувства охватили Давиана и Пауля. Первый искренне рад такому решению, распевая хвалебные гимны про себя посвящённые народному выбору, который позволил им присоединиться к Коммуне. Ему нравится, как их встретили, его душа содрогается от большого счастья, когда он вспоминает, как его тут хвалили и дали понять, что здесь ему найдётся важное место. Второй юноша насторожился, когда узрел, что вокруг них развели наигранное представление, затягивая в медовый охват, в котором и вознамерились задуть их бдительность. Но зачем? Этот вопрос теперь единственное, что будет мучить разум Пауля.

– Народные Гвардейцы, – из динамиков, сокрытых у экранов донёсся безжизненный глас, увернувшийся юношей из мыслей к действительности. – Проводите новых партийцев в «Общие Соты № 14» и заселите в комнаты двадцать и тридцать один.

– И куда же мы Давиан? – беспокойно вопрошает Пауль, с боязнью взирая на то, как солдаты, бывшие частью серых стен, становятся размытыми тенями, приближаясь к ним. – Куда нас поведут?

– Навстречу новой жизни, – сверкнувши глазами, с безумной улыбкой, перекривившей губы, смакуя каждое слово, произнёс юноша. – Теперь всё будет по-новому.

Глава третья. Доктрина «Нового Коммунизма»

Спустя два дня. Улей №17. Дом общего сожительства.

Первые лучи солнца пробились в маленькую комнату давным-давно, часа два назад и напрочь отбросили нависшую над помещением ночной сумрак и теперь тут в полную силу торжествует свет, только вот от его присутствия и наполнения комнатой светлее и радостней не становится в жилье, если это вообще можно назвать жилым помещением.

Внутри всё устроено очень даже необычно – маленькая комната, с единственным широким окном, через которое и льётся утренний свет, с единственной довольно небольшой простенькой кроватью и где-то на стене закреплён небольшой экран телевизора, в котором мелькают какие-то буквы. Тумбочка и столик находятся где-то у угла под покровом отодвинутых туда штор, совершенно потерявшись из виду. Всё было бы чудесно, только стоит окинуть единственным взглядом, всё, что тут стоит и можно зарыдать, увидев, что всё выкрашено в единый чёрный цвет, практически не различимого оттенками и только отколовшаяся краска, проявившая истинный цвет материи, хоть как-то разукрашивает это место. Постельное бельё, стены, пол, тумбочка, шторы: всё, что можно найти в комнатке – обрело серый покров, от монотонности которого становится дурно и печально.

На кровати, заняв положение сидя, расположился юноша, облачённый в новые, совершенно другие одежды, что у него были раньше, но именно эта одежда стала ярким пятном на сером полотне безрадостности. Тёмно-багровая накидка, похожая на элегантный плащ, с широким воротником и лоснящийся на солнце, прикрывающий угольно-чёрные брюки, опустившиеся на туфли из кожи цвета бездны. Тело прикрыто алой, необычайно кроваво-красной кофтой, плотно прилегающей к телу и оттого лишённой складок.

Любого, кто тут был бы из других частей мира, возмутила бы такая картина – всё серо и уныло, лишено пристрастия к цвету и даже самой жизни, но только не того, кто здесь живёт, кто впитал в себя выданные постулаты и знает, что «Доминанта Серого, как символа равенства» не просто безумная эстетика, не просто красота безликого, а одно из главных правил, возведённое в ранг «Народного Закона». И после принятия законного установления, что всё должно быть в одном цвете, было дано разъяснение, что преобладание монохромности везде и всюду это визуально-цветовое равенство. И только определённые «внеклассовые элементы общества», как сказано в законе, могут носить цветастую одежду и только для того, чтобы подчеркнуть особенность и необычайность учения, говорящее о тотальном равенстве, и выделить, тех, кто понесёт его в массы.

– Равенство в уникальности и уникальность в равенстве, – шёпотом сорвалось с не худых губ, сидящего парня на кровати и тут же прозвучало волнительное обращение к себе. – Так Давиан, соберись, всё будет хорошо.

В мутных тёмно-синих очах юноши явно читается волнение, и оттеняет странной и едва понятной грустью. Сегодня он идёт в учебный центр или «Дом Идеологической Мудрости», где ему и товарищу дадут знания обо всём устройстве страны, куда они попали, просветят их сивые души светом идейного знания, как мыслит сам Давиан.

– Равенство в уникальности и уникальность в равенстве! – пронеслось по комнате, только слова исходили не от юноши, а проговорены динамиками телевизора, которые мужским голосом проговорили девиз, один из многих, которые существуют в Директории Коммун.

Для большинства жителей других стран эти слова показались бы несущим смыслом, но не для Давиана, который почти нащупал в них суть. Уста юноши дёрнулись в мимолётной улыбке, секундном приветствии того, что его впереди ждёт.

– Как же ты подвёл меня, – тяжело выдохнул Давиан.

Однако и для печали нашлось у парня место. Не только радость и ликование от самого места пребывания здесь, селятся в душе юноши, но и огорчение от действий того, кого он считал другом, колит сердце.

– Как он мог? Как он мог позвать его? Как он мог обратиться к ложному божеству? Как он мог предать разум? – шепчет юноша.

Давиана до сих пор не отпускает безумное разочарование от мимолётного воззвания Пауля к божеству, незнамо какому, но для него, истинно верящего в интеллектуальный прогресс и идею Коммуны, которая отрицает любую форму «религиозной идеологии», как говорят сами «просветители».

Уста жителя комнаты готовы снова раскрыться, но тут же это желание пропало, ибо, сколько не было сильно негодование, но он не хочет выдавать своего хорошего приятеля, не желает, чтобы на него смотрели как на прокажённого. Шептать ещё раз – будет вопрос? Но ведь тогда на него могут лечь подозрение Общедомового Надзорного Партийного Управления, которому содействуют все жители этого общежития. Давиан каждый раз стеснительно ёрзает, когда вспоминает, что через сеть скрытых по комнате камер за ним неустанно ведётся «Народный Надзор», установленный Партией, естественно в тех безобидных целях, чтобы парень ничем не навредил народу Коммуны. Так выполняется требование, чтобы всё делалось под наблюдением со стороны народа, и с его санкции и если что-то в личной жизни, сведённой до мелко-бытового самообслуживания, не понравится массе людей, то это с его указания, немедленно пресекается. Не угодили вы народу тем, что встаёте с левой ноги, по его требованию, будете обязаны подниматься с кровати с правой конечности; если же люд коммунальный сочтёт, что вы потребляете слишком много света и мало воздаёте ксомуны, то он может принудить вас читать хвалебные песни Партии с утра до ночи в полной темноте. Воля народа здесь возведена в абсолют, однако не для каждого и все знают, что чем выше человек по партийной линии, тем меньше шансов на него повлиять, ибо «нельзя народной волей принудить к исполнению действия того человека, который является содержанием этой воли по высокому рангу», как говорит Народный Закон «О Партийных Слугах Народа».

Но, несмотря на всю фантазмагорию юридического бреда, которая свалилась на нового партийца, Давиан искренне рад, что попал в «новое общество», как он сам называет здешнюю обстановку. Давиан чистосердечно рад, что очутился здесь и тем более гармонично влился в новый коллектив.

Он оглянулся и снова одним взглядом он сумел окинуть все габариты своего скудного жилья. Давиан не осерчал, что попал именно в такое помещение, ведь ему пояснили, что на основе Народного Постановления длина комнат для всех партийцев, независимо от места работы и трудности обязанностей не должна превышать пяти метров в длину и трёх в ширину. Единый стандарт, подчёркивающий «Имущественно-квартирное равенство», говорящее о том, что никто не может владеть большим количеством вещей или жить в большем помещении, чем другой партиец.

– Время! – воскликнул Давиан, вспомнив о том, что ему пора идти и получать образование.

Юноша зацепился кончиками пальцев за серую книгу и подтянул с кровати к себе и сунул в карман. Для него это осень важное пособие, написанное на новоимперском учащее языке и правилам разговора на эсперанто.

Давиан вплотную приблизился к холодному металлическому покрытию двери, отразившее в серой поверхности его черты и сунул палец указательный к панели, затем мизинец и только потом коснулся подушечкой большого пальца на небольшой, с монету размером сенсорный участок. Через секунду, когда был введён код из отпечатков пальцев, массивный каскад металла отворился, выпуская Давиана из своей комнаты, и парень ступил подошвой туфли на серый ковёр и не дожидаясь пока дверь сама не закроется он пошёл вперёд.

Из маленькой, невзрачной комнатухи он окунулся в большое, просторное помещение, раскинувшиеся на несколько десятков метров вдоль и вширь. Давиан вспомнил, что вышел в «Общий Холл», где и проходит вся дневная часть жизни партийцев, которые не на работе. Тут и холодильники, где нет чьей-то еды, ибо она общественная, и диваны, и шкафы, набитые общей одеждой, которую может каждый, если она «Народно-нейтральна». Для Давиана пока несколько странно и его берёт лёгкое сомнение, неудобства, чувство того, что когда он скинет служебные одеяния, ему придётся облачиться в одежды, которые до этого уже кто-то носил, но каждый раз, когда это чувство возникает, он пытается всеми силами души исторгнуть эту мысль, ведь «коммунальный народ только приветствует общественное использование вещей, ибо в, в этот момент рождается истинное равенство».

Пройдя чуть дальше Давиан заметил, как пыль с широких подоконников стирают специальные устройства, поплёскивающие металлическим просветом, и втягивающие в себя весь мусор, а ковры пылесосит похожий на серую пластиковую трапецию механизм, передвигающийся на колёсиках. Давиан уткнувшись взглядом в «диво дивное» вспоминает, почему прозвал людей здесь просвещёнными, ибо освободив своё время, и преследуя цель сделать всё общественным они передали большую часть роботам, что и по мнению юноши позволило им сделать скачок в развитии. Парень чувствует гордость, что является партийцем страны, где большая часть тяжеленого труда отдана механическим тварям, и люди могут свободно, без пригибания спины под тяжкой работой, заниматься изучением великих идей, философствовать, да и просто жить в своё удовольствие.

Давиан покинул пределы «Общего Холла», где люди буквально и живут, переходя в маленький, узкий коридор, от стен которого веет неприятным холодом. Навстречу ему попались две девушки, облачённые в серые одинаковые одежды – штаны и кофты, с ботинками и ничего лишнего. Они еле как разминулись в узком пространстве коридора, теснясь, друг к другу, чтобы пройти дальше. Слишком большие «Холлы» и узенькие проходы вызывали первые часы пребывания здесь у Давиана чувство диссонанса, необычайности, но он привык к этому быстро, подгоняемый одним из Народных Постановлений, говорящих о том, что «Узкие коридорные пространства способствуют повышению коллективности», что Давиан пока понять не может. Однако, оставив мысли о здешнем праве, юноша побыстрее устремился покинуть это место.

Давиан из коридора и через лестницы, минуя другие «Холлы» через пару минут пока он шёл, смог добраться до главного входа. Пока он блуждал в коридорных хитросплетениях ему встретилось не так много людей и в Рейхе каждый, из чистой вежливости, насаждаемой церковью и государством, с ним мог поздороваться и таки засыпали приветствиями соседи, а здесь народ иной, просвещённый, все с каменными лицами миновали Давиана, словно его и никогда не видели, хотя он их сосед и вчера с ними общался.

«Удивительная мрачная невежливость или сдержанность эмоций, которые скупно проявляются здесь в каждом?» – Подумал Давиан, вспоминая, что действительно тут люди не слишком богаты на чувства и такие эмоции как радость или счастье у них могут вызвать только утреннее чтение ксомунов или же пребывание на утренних планёрках, когда объявляются успехи «коммунистического общества» – сколько чего произведено, какое количество идейных отступников казнено и тому подобное.

Любого, кто тут не живёт, эта картина едва бы обрадовала, если даже не показалась бы абсурдной, и даже Давиан не понимает, к чему всё это. Но он тут же успокоил все свои волнения по этому поводу, ибо вытащил из памяти слова здешнего Главы по Общественному Управлению Собственностью – «Эмоции и чувства тоже порождают неравенство, а поэтому и приняты были, на благо партийцев, постановления и законы народные, говорящие об “эмпирическом единстве”, и теперь устремлены все душевные чаяния на создание атмосферы равенства эмоционального, чтобы искоренить всякую разность в ощущении мира и его восприятии».

Как только уши Давиана это восприняли, первое, что потревожило рассудок было непонимание сути сказанного, ибо это больше походило на молитвенное восхваление того, что всё красится в серые тона и люди юридически обязаны не проявлять разные эмоции. Но потом до него стало потихоньку доходить, что это ради великой цели равенства и даже принятый «Народный Табель об Чувствах», предписывающий, какие чувства и когда нужно проявлять, устремлён к единой цели – создать общество, лишённое всякого неравенства. «Какая прелесть» – подумал обо всём этом юноша, подходя к большим дверям, что отлиты из железа и раскрашены в серый цвет, с резко контрастирующими алыми восьмиконечными звёздами, которые есть восемь стрел, своим цветом символизирующие яркость всех идей и мечтаний Коммуны.

Давиан, минуя главный холл, который больше похож на большую серую коробку, с расставленными по углам диванами и столиками, приблизился к дверям, что выше него в три раза. Встав лицом к лицу с исполинами, преградившими ему путь, можно ощутить холодок трепета перед одним из самых малых проявлений могущества Коммуны. Протягивая дрожащий большой палец к сенсорной панели, Давиан восхищается тем, как тут всё устроено – монументальность в каждой вещи врывается в душу чувством уважения к Коммуне. Как только отпечаток был отсканирован на тёмно-синей поверхности, массивные слитки железа заскрежетали и поспешили отвориться, быстро отворяясь, и через секунду Давиан уже спускался по холодным бесцветным ступеням, и мимолётно окинув взглядом дворик.

Небо не скрывает яркого света солнца, прикрывшись тонким слоем лёгких облачков, гонимых прохладным ветром, который стал предвестником грядущих погодных аномалий, о которых передали по новостям. Но сейчас пока всё вполне спокойно. Внутренний двор общезжития ничем не отличался от расцветки облаков – такой же безликий и лишённый цвета и только ярко-красные символы, выбитые на стенах и вырисованные на свисающих штандартах, явились сильными бликами, резко приковывающие внимание цветовыми вспышками.

– Давиан! – послышался радостный возглас.

Юноша посмотрел вперёд и чуть обрадовался оттого, что его кто-то ждёт. Фигура в таких же одеждах что и он кажется ничтожной посреди двора, образованного в форме буквы «П», и его окаймляют два высоких корпуса здания, среди которых он словно муравей у постройки, устремлённых на несколько десятков метров ввысь, напоминая гротескные бастионы Рейха.

– Ну, здравствуй! – отвечает ему Давиан и его приветствие отражается гулким эхом о дворе.

Юноша пошёл вперёд, отбивая стук каблуком туфель по каменным колоссальным плиткам, уместившим двор, и полминуты спустя уже протягивал руку товарищу в приветствии.

– Как ты, Пауль? Всё в порядке, а то ты в последнее время был каким-то... подавленным.

– Всё хорошо, – уверенно ответил парень, выдавив неестественную улыбку на худом лице, усталыми карими очами давая понять, что ответ больше похоже на ложь, уже тише добавив. – Всё хорошо.

– Славно, как тебе первые дни здесь?

– А тебе? – перекинул вопрос Пауль обратно.

– Просто чудесно, изумительно! – запел душой и словом Давиан. – Никаких утренних молитв, никого контроля государства... его просто нет!

– А как же... как его... «народный контроль»?

– Да ладно, – отмахивается Давиан. – Когда за тобой смотрят товарищи, к тому же такие как ты, это одно. Тут ничего плохого нет, а вот когда какие-то левые люди, да ещё и моралисты чёртовы, это совершенно другое! Это непотребство! – и после секундной вспышки гнева снова хвальба понеслась рекой. – Тут всё чудесно, Пауль, всё потрясающе и особенно – весь труд передан механизмам. И самое главное – за это не нужно никаких денег, потому что их нет. Всё здесь прекрасно!

– И общественные ванны с общественными кухнями тоже тебе нравятся? – аккуратно спросил Пауль. – И мера, высчитанная до секунды, проведения в этих местах, которую установили для «равенства во времени». По пять минут и двадцать секунд на туалет и девять минут и пятнадцать секунд на приём пищи. На казарму не похоже?

– Может и так...

– Только мы же не в казарме, – почти прошептал Пауль. – А мои соседи? Мне кажется или они...

– Так, тебе что-то не нравится?! – с гневом пронёсся вопрос.

– Всё изумительно, – коротечно дал ответ юноша.

– А как тебе здесь? – вёлся Давиан, нахмутив брови. – Ты ничего сам не сказал об этом.

– Да что тут говорить, – тяжело полилась речь Пауля, но он вовремя собрался и добавил бодрости в слова. – Ничего плохого не происходит, только всё хорошее. Отдыхаю, набираюсь сил.

– Отдыхает он... ты язык выучил? А то нам сегодня заслушивать лекции, а потом, так сказать, в массы их нести. Я надеюсь, ты не забыл, что уже послезавтра мы будем просвещать новых товарищей

– Не забыл, ты планшет взял? Мы же без него не дойдём до «Дома Иеалогической Мудрости». Я-то уж точно.

Давиан опустил руку во внутренний карман плаща и спустя миг в пальцах, в ладони сжато было небольшое, длинной с полкирпича устройство – экран на тонкой чёрной пластиковой подложке.

– Вот видишь, – потряс устройством Давиан. – Всё у меня есть. А теперь давай не будем терять ни минуты.

Пауль заметил, как Давиан нервозно его отчитывал за выпад в сторону его нового дома и с ненормальной радостью описывает его. Он и раньше был заносчивым и проявлял нездоровую тягу к Директории Коммун, как вспомнил Пауль, но теперь, такое ощущение, его будто поразила какая-то зараза, тронувшая его сознание. И не желая больше вызывать лишних подозрений человека, который с каждым становится более фанатичным и рьяным, Пауль без лишних слов и расспросов зашагал плечом к плечу с Давианом.

Двое парней миновали большую бело кирпичную ограду метра три высотой, и вышли в город.

– Как же тут превосходно! – донеслась дифирамба ликования от Давиана. – Вот она сила Коммун!

Пауль не видит тут ничего хорошего, и даже намёка на прекрасное. Гигантские исполинские дома, без цвета, без раскраски, фантазмагорией сумасшедшей высоты и массы создают невыносимо серый городской каскад из бетонно-каменных коробок, которые по чистому недоразумению обозвали зданиями. Прямые до умопомрачения дороги, с очень редкими диагональными отклонениями, расчертили городскую карту на ровные прямоугольники. Юноша не видит тут ничего, что было бы достойно тут внимания. Тут нет ничего кроме тотальной серости и холодности. Серые люди в бесцветных одеждах идут среди безликих зданий по унылым улицам и только пёстро разодетые солидные члены Партии, «Просвистели» или же красочные знамёна и знаки врезаются в сознание яркой кометой, вбивая в память их образы и приходя после недолгой прогулке по мрачному городу ничего кроме знатных партийцев, проповедников и знаков вспомнить нельзя. Для неподготовленного человека это очень трудно воспринять и даже тяжело, а поэтому Пауль старается как можно меньше смотреть по сторонам и идти только в такт с Давианом.

Два парня быстро миновали несколько улиц и, проходя через ещё одну удивительно небольшую площадь, прошли мимо удивительного здания. Красная гранитная крышка ложится на мраморные стенки, в одной из которых есть вход, и вся эта конструкция на малень-

ком возвышении в виде трёх метров ступеней. Пауль вспомнил, что им говорили об этом месте соседи – это «Культовый Мавзолей», где похоронен один из сподвижников Великой Коммунистической Партии, который стал основателем Уля №17, за что и удостоился почести быть тут похороненным и возведённым в ранг Народного героя. Даже в разгар рабочего дня Пауль видит здесь десятка три человек, которые шепчут слова хваления к мёртвому члену Партии, просят его о заступничестве и даже стремятся приложить уста к его гробу, думая, что это просветит их его мудростью.

«Чем это отличается от молитв святым в Рейхе?» – подумал Пауль и, оставив вопрос без ответа, продолжил путь.

Через несколько минут они вышли к двадцатиэтажной постройке, не самой большой в городе, но наиболее украшенной. Четыре колонны, окрашенные в алые тона, зиждутся на мраморном зеркально вычищенном полу, держа над собой пирамидальную крышу, изрезанную барельефами и символами, а в главный вход ведут множество ступеней, облачённые уже в цвет угля.

– Вот он, великий «Дом», – дрожа от благоговения каждым звуком речи, заговорил Давиан. – Тут, именно тут, по слухам, людей направляют словом к истинам Коммуны. Тут люди обретаю правильно понимание истин коммунистических и здесь оглашаются великие прорывы в науках страны этой великой!

Пауль ничего не ответил. Он лишь с ощущением накатываемого отвращения созерцает на это здание, выглядящее ярким огнём, маком среди океана тусклости и своим гнилостным огоньком заманивающее неопытных людей в свои идейны сети. Барельефы, колонны, сам образ и конфигурация «Дома» они в один похожи на древние языческие храмы, капища ушедших в историю римлян и греков.

Краем уха Пауль услышал, как из внутренних помещений «Дома» эхом приносит крайне необычный возглас, похожий то ли на ревностную проповедь священника, то ли на политическое обозрение. Кто-то с неукротимой и пылкой яростью вещает о том, что равенство и отсутствие денег – это высшее благо, а всякие проявления «рыночного капитализма» будут караться смертью.

«Что за безумие?» – родилась мысль в уме Пауля, когда он увидел, как люди продолжают стекаться внутрь «храма», дабы услышать слово.

– А вот и вы! – пронёсся по ушам бодрящей волной механический призыв и двое юношей оглянулись.

Перед ними стоит фигура в два метра ростом, окутанная в светло-красные одежды, отчасти похожие на кардинальские одеяния. Его глаза устрашающе пылают двумя яркими рубинами, чуть прикрываемые краем капюшона, а нижняя часть лица блисти металлическими бликами, в его руке, в железных механических пальцах сжат трёхметровый посох, увенчанный массивной восьмиконечной звездой.

– А вы... вы-вы, – залепетал в преклонении Давиан.

– Я тот, – забренчала металлический перезвон гортани, – кто научит вас первоосновам нашего мира.

– Пряма здесь? – удивился Пауль.

Правая рука, окутанная в красную ткань, существа вытянулась, и указательный палец уткнулся в направлении главного входа, и решётка вместо губ снова передала звон и громахание гласа:

– Туда вам ещё рано идти, доктрина «Нового Коммунизма» ясно дала понять, что всем новопосвящённым в тайны нашего общества сначала нужно пройти специальные катехизаторы.

– А как вас зовут? – осмелился спросить Пауль.

– Я старший товарищ Форос Ди, и одновременно Главный Помощник Младшего Все-партийного Творца Слова. Приставлен, чтобы вам сегодня дать первые знания о великой идее коммуны.

– Предлагаю тогда начать, – вдохновенно рвётся Давиан услышать слова о величии «нового дома».

Форос снова обнял свой посох и опёрся на него, и вновь донеслась металлическая речь:

– Вы уже почувствовали часть нашей главной идеологии – «Нового Коммунизма» на себе, уже узрели его мощь и величие. Его первый постулат – всё делается по воле народа, вы провели через каждую фибру души, когда люди давали голос за придание вам партийства.

– А общественный... надзор и общие вещи тоже часть «Нового Коммунизма»? – спросил Пауль.

– Конечно, юноша! Так, народ следит за народом, а коллективы становятся ответственными за каждого своего члена, что исключает возможность преступления. – Существо стало расхаживать туда-сюда и через ткань одежд показались его блеснувшие отражением неба металлические ноги. – Вы должны понять, что «Новый Коммунизм» говорит не только о прогрессе техническом, но и о социальном, когда главная причина всех войн и конфликтов – частная собственность уничтожается. Если всё общее, то и конфликтовать будет незачем и таким образом любая вещь на вас, – Форос обвёл их остроконечным пальцем, – может стать общественной, и вы сами, если того потребует народ, можете перейти в пользование общества.

– И каким Народным Постановлением это закреплено?

– Это Народный Закон о «Переведении трудовых ресурсов в общественную собственность»! – загремел голос через решётку. – Народное Постановление ниже по статусу, а за ним уже идут Народные Установления, Табели и прочие акты выражения воли общественной.

– А если общество решится сделать общественным что-нибудь у вас. К примеру, ваш посох, то, что тогда? – решил поддеть вопросом Фороса Пауль.

– Ох, юноши, доктрина «Нового Коммунизма» прямо говорит, что люди, которые занимают определённый перечень должностей в Великой Партии, не могут быть подвергнуты процедуре становления общей собственностью, ибо они уже таковыми и являются, ибо выражают волю народа. Ну не может ведь общество само себя обобществить.

«Ага, иммунитеты», – поймал себя на мысли Пауль. – «За красивыми формулировками, за юридическими уловками и хитросплетения закона вы позволяете себе быть защищёнными от “народного грабежа”. Вот она доктрина нового коммунизма – одних под молот равенства, а другим щит от него».

А тем временем, так же держать за посох, продолжает скрежетать механической гортанью Форос:

– Четвёртый постулат. Доктрина не наделяет высоких партийцев оперативным уровнем направления народной воли.

– Это как? – лицо Пауля покосилось в удивлении.

– Они могут формировать самый малый вид актов «народного самоуправления», которым обязаны подчиняться все люди или же нечестивцев покарает милицейский отдел Народной Гвардии. Такие как я, и на пару-тройку внеклассовых чинов, партийцы, имеют право принимать «Народно-Партийное Распоряжение», тем самым оперативно направляя массы народные на дело праведное.

Пока Давиан с блеском в очах слушает всё, что тут говорят, Пауль с опаской посматривает на Фороса, который статью и одеждами как цветасто-безумное бельмо на сером городском полотне.

«Четвёртый постулат “нового коммунизма” ещё один шаг к диктатуре Партии» – новая мысль поселилась в уме Пауля. – «Они, говоря о демократии превратили её в фарс, в ширму, за которой скрылась власть Партии, но ведь если партия и есть народ, то её абсолютная власть

это и есть правление народа». – Пауль потерялся в своих мыслях, понимая, что на это и сделали упор идеологи Директории – запутать и увести с пути размышлений и обратив взор на Фороса, юноша продолжил мысль. – «Нет у власти Партии, в полной мере, а есть самодурство, таких как он. Да, именно так! Это власть отдельных людей в Партии».

– То есть внеклассовый статус? – неожиданно спрашивает Давиан.

Очи Фороса вспыхнули адскими углями и посмотрели, будто в душу, после чего послышались потоки вдохновлённости:

– Доктрина говорит, что в нашем социуме нет классов, нет иерархии, а есть только товарищи, абсолютно равные во всех смыслах. Однако Партия указала, что в зависимости от Народной должности следует делить народ. Так и появились младшие товарищи, просто товарищи и самые умудрённые опытом управления – старшие товарищи. А так же есть и вспомогательные статусы – вроде вашего прошлого – «Беженцы под вопросом» или нынешнего – неполные младшие товарищи.

– Уяснено, – склонил в почтении голову Давиан и ропотно спросил, – а что есть классовые чины и статусы?

– Их мы используем для тех, кто стал преступником, – в угрозе послышался гортанный перезвон. – Для тех, кто отступился от великой коммунистической мысли. Те, кто копят имущество, скрывая его и не желая обобществлять, да приторговывают им скрытно, именуются буржуазией.

– А если всё, что они имеют больше положенной нормы, потому что накопили своим трудом? – спросил Пауль. – Если что-то сумели сохранить?

– Всё равно это преступление! – рявкнул Форос. – Они не имеют права – это вытворять. Так и родилась гнильца буржуазная, когда первый человек не стал делиться со своими товарищами, и понеслась, поехала шарманка торжества частной собственности на тысячелетия. Всё имущество – изначально принадлежит народу и любое его сокрытие – грех буржуазный.

– А куда забираются вещи? – уточнил Пауль, положив руку на бок.

– В пользу Партии, конечно, – снова стал расхаживать туда-сюда Форос, стуча металлическими ступнями о холодно-каменную поверхность. – Но да ладно. Те, кто подвергаются внутри душевному распаду и впадают в безумие творения единоличного, получают статус «Богемы».

– Секундочку, – всеми силами Пауль попытался не выдать возмущение. – То есть вы не поощряете единоличное творчество?

– Да, доктрина напрямую говорит, что творчество в одиночестве порождает индивидуалистское инакомыслие, которое может навредить Директории Коммун, ибо в одиночестве он может творить крамолу против неё. А когда его окружают товарищи, следящие за человеком и контролирующие все аспекты жизни его, не будет и мысли против порядка коммунистического. Директории признаёт только народное творчество, то есть создаваемое коллективом.

Форос вновь опёрся на латунный посох, вспыхнув взором рубиновых диодов и устранив своих слушателей, а после его голос стал более тихим, но не менее грубым, при каждом сотрясении звука, трогая и дух Пауля:

– Ладно, обо всех классовых статусах и их особенностях вы узнаете из «Biblium Communistic» или Коммунарии, – его рука опустилась под одежды и снова появилась с зажатыми в металлических заострённых пальцах двумя книгами. – Отсюда вы подчерпнёте уникальное знание о нашем миропорядке. Обычно, младшие товарищи всё познают в ходе процесса обучения в школах, а вам придётся это пронять за одну-две ночи.

Пауль и Давиан с опаской протягивая руки к механизированному существу, осторожно взяли книги и запихали себе в карманы, снова поднимая на него глаза и как только Форос увидел, что ему внимают, продолжил:

– Основу Доктрины вы уже видели, знаете – «Всё решается по воле народа и им самим. Народ контролирует все аспекты жизни партийца, устанавливая диктат над ним, во имя обще-

ственной безопасности. Нет собственности частной, даже ваше нижнее бельё может быть предано обществу, ибо всё ему принадлежит, – голос сделался более глубоким и проникновенным, а свет в глаз таинственно притух, переливаясь уже багровыми тонами. – Есть один из самых важных постулатов Доктрины, который выше остальных, – девятый, и вы должны заучить его наизусть, дабы в будущем не оскверниться преступлением антикоммунальным.

Давиан и Пауль настроились слушать, что здесь читается выше всего, при этом интерес первого вызван пристрастием к идеям Коммуны, верностью им, а второй юноша жаждет услышать, что ещё учудила Партия, внимая тихим, но томным речам Фороса:

– Мы, общество, следующее дошедшим заветам главных первокоммунистов этого мира – Маркса и Энгельса во всех аспектах. И грань взаимоотношений мужчины и женщины нас не обошла стороной, вобрав сущность идей философов-пророков Маркса и Энгельса, а отсюда следует, что такого явления, как старая традиционная семья, порождавшая кумовство, верность родственникам и прочую гадость, не существует у нас, она побита и разрушена.

Ужас, смешанный с отвращением и негодованием тронул душу Пауля, как только железо отчеканило последнее слово, рождая целую бурю трудно передаваемых эмоций. Рассудок не может принять того, что прежнее мироустройство, построенное на традиционных идеалах, где есть семья, где отцы и матери, воспитывают детей и пребывают в любви, осталось за стеной. Теперь нет всего этого для него, а что же есть? Максимально обезличенное общество, в абсолютно сером мире, где старшие партийцы и символы Коммуны – яркие вспышки, приковывающие к себе всё внимание. Пауль оглянулся и его взгляд упал на людей, идущих в «храм идеологии», что рядом с ними. Полная бездна в очах, посреди которой убийственно мерцают угольки верности хозяевам из Партии.

«Не люди, которые станут инструментами, но инструменты, с человеческими душами» – подумал о жителях Коммуны Пауль.

Пауль обратил взор на Фороса, но увидел не представителя просвещённого народа, а маркиза дьявольской знати, которая ради самой власти сотворила из людей душевных калек, вырвав их практически всю душу. Но зачем? Пауль находит только один-единственный ответ – тут власть не средство, а цель... власти ради власти.

– Ка-как так? – голос Пауля дрогнул в вопросе.

Форосовы глаза запыхали неожиданно ярким пламенем, а речи стали жутко-фанатичным:

– Доктрина говорит, что отношения между мужчиной и женщиной порождают межличностное собственничество, стремление быть вместе, а не с народом, а для идеологов Директории Коммун – это опасность, великая. Семьи, то есть высший результат процесса собственничества между людьми, порождают полную атрофию коммунизма как такового, ибо народ не может быть задействован в великих процессах общественной жизни, да и если люди друг из друга делают собственность, равенства и общности быть априори не может. Поэтому они и стали пылью, а вместо них производством населения заняты Народные Инкубаторы.

– А п-п-почему вс-всё так?

Ответа не последовало, лишь молчание. Но Пауль и сам находит ответ, который скрыт в таинственном молчании Фороса. Они сделали народ мешаниной, ватой для того, чтобы им можно было легко управлять. В Рейхе семья была центром церковной и государственной пропаганды и власть имущие силой горячего слова приковывали всё внимание людей к семье, уводя их от желания воевать за власть. Тут процесс иной, людей лишили права на семью с одной целью – приковать их мысли к идее, поработать души

Пауль не заметил какого-либо смущения в глазах товарища, который восхищённо взирал на два метра металла и плоти, пропитанных мыслью абсолютного равенства и краха чувств.

– А что нам при нарушении девятого пункта доктрины грозит? – спросил Пауль.

Существо простучало пальцами левой руки по посоху и правую ладонь

– Если вы попытаетесь абсолютно любого партийца вовлечь в отношения, выходящие за рамки «общенародных» или сами будете вовлечены, то вас ждут страшные муки, прилюдные истязания, а затем казнь.

– Для чего всё это? – с нескрываемым изумлением вопрошает юноша.

– Всё это имеет великую цель! Сама доктрина, которую разработали на первом заседании Великой Коммунистической Партии, это средство к выполнению цели. Постулатами её мы создаем великое общество, просвещённое и принадлежащие всецело идее коммунизма!

«И Партийным верхам» – добавил про себя Пауль. – «Это как надо было изувечить душу людскую, чтобы этот порядок стал естественным?»

Лёгким движением шестипалой ладони Форос отпустил их, отогнал как надоевшую мошку и Пауль, и Давиан пошли прочь от лишённого человечности... существа, чьё сердце заменила идея, её мотор. Но вот каждый из парней уходит с разными чувствами – Давиан проникся любовью и уважением к Партии, к «Народу» и тому, что они породили, но вот Пауль... он сейчас тоже может выделиться среди городского серого холста, только разве что мрачностью, так стал темнее грозовой тучи. Юноша понимает, что долго он тут в здравом рассудке не сможет находиться, «доктрина» рано или поздно изувечит его, сделает таким же серым, как и всё вокруг.

Глава четвёртая. Партийная Империя

Спустя два дня. Утро. Площадь перед «Домом Идеологической Мудрости».

– И именно поэтому Рейх есть ничтожнейшее из проявлений человеческих организаций! – заголосил Давиан, а микрофон, у рта передав полыхающий рвением голос в динамики, расставленные по всему периметру площади, многократно усилил звучание слов, превратив их в самый настоящий гром речи, трясущий пространство и души. – Рейх, он даже хуже, чем Либеральная Капиталистическая Республика, тем, что попирает фундаментальные права масс народных, заковывая народ и его волю в оковы морали и ограничений!

– Да-да! Долой тех убогих буржуазных и клерикальных дикарей! – взревели люди, исторгая вопли гордыни. – Нет народа праведнее нас! Нет тех, кто был бы лучше нас!

Давиан вещает с площадки, на которой зиждуются массивные колонны, держащие исполнинскую крышу и под тенью «храма идеологии», на его фоне, он вещает о том, что есть Рейх, а точнее поливает его грязью, дабы усладить слух партийных чинов, да и обычных людей, жаждущих услышать, что кроме места, в котором они живут ничего лучше нет. Кажется, что за спиной Давиана изящным сплетением камня, мрамора, гранита и золота, возвышается языческой капище древних греков, а он уподобился древним иерофантам, несущих народную истину пламенным словом растопляя души. И народ, тысячи людей, заполнивших площадь, в единой серой одежде уставили пустые, с бездной вместо души, глаза на парня, который продолжает говорить, не стесняясь такого количества:

– Да, в северной стране, которая провозгласила себя оплотом свободы, люди освобождены от моральных догм и власти религиозной, что уже существенный шаг к свободе! Но не обольщайтесь, ибо там всем правят гнилые буржуа и рынок апофеоз всего, что порождает другое рабство – капиталистическое! Но даже это лучше чем Рейх, ибо власть государства и церкви есть зло первородное, вредящее воле народной! Рейх стал домом всего мракобесия и дремучести проклятых порядков! Откуда я знаю, вы спросите. Да, я знаю, что твориться в той империи камня и веры, ибо сам пришёл оттуда!

В тот момент, когда с уст юноше сорвались слова о том, что он путник из далёкой по идеям страны, он ожидал, и даже надеялся, что люди сейчас проявят бурю эмоцию, охнут в унисон хотя бы, но ничего не последовало – серая безликая стена взглядом тысячей глаз продолжает взирать на парня, никак себя не проявляя. В один момент в мыслях юноши поселилась сомнение, что ему кто-то рад, или желает слушать, но лёгкий кивок недалеко стоящего Фороса заставил продолжить Давиана речь:

– Я уже говорил, что Рейх есть явление антинародное и все его деяния – это удары по обычным людям! Он не позволяет людям голосовать по всякому вопросу, товарищи там не следят за личной жизнью других товарищей, что исключает контроль народный! – вновь Давиан, стоящий смиренно на площадке под сенью колонн, обращает взгляд на толпу и желает увидеть в них хоть крупицу эмоций, но снова натывается на стену холодного безразличия. – Но я не говорил, что поимо государства, в том краю проклятых душ существуют и семьи, те, традиционные, опрокидывающие саму основу построения коммунизма!

– Да, всё для коммунизма, всё для народа коммунального, всё для нас – для народа свято-идеологоизбранного! – снова взяли пламенное слово люди. – Народ, всё для него, всё для нас!

Стоило только юноше это сказать, как шесть, блеснувших в отражении светло-серым небом, пальцев Фороса сжались в кулак и вздёрнулись в едином порыве с рукой к небесам и Давиан понял, что это знак призыва к действию. Гул тут же наполнил площадь, но это не крики осуждения, не радостные возгласы, это похоже на песнь живых мертвецов, монотонную

и холодную, проникающую в душу ледяным завыванием, которое не возьмёт даже северный арктический ветер.

На секунду Давиану стало жутко, но он моментально собрался, отбросив весь страх, и вспомнив, что это... побочный эффект от «народного бесчувствия», которое направлено к единой великой цели – привести всех к равенству.

Рука Фороса припала к поясу, а затем поднеслась к посоху, лязгнув металлическими пальцами о его латунную палку и странный неестественный гул спал, люди умолкли, уподобившись инструментам в руках мастера душ, а вместо него из решётки, вместо губ, раздалась механическая, без намёка на чувства, речь:

– Скажи отрицатель Рейха, а что там с хозяйством народным? Кому блага экономически принадлежат? Чья экономика?

Услышав вопрос, поняв его суть голова Давиана опустилась и поднялась в лёгком кивке и последовал ответ, в противоречии с ледяным тембром Фороса, пронизанной пламенностью живой, рождённой в огне ненависти к Рейху:

– Экономика? У тех недоумков вся экономика государственная и меньшей степени частная! Они лишили себя благословения передать всё в народные руки и вместо коллективов производственных всем правят бюрократы паршивые, а хозяйства мелкие отданы не людям в правление общее, а частным лицам! – яростно взревел Давиан, исторгая личную ненависть к Рейху в массы. – Экономика там антинародная, не такая как здесь... тут в магазинах всем управляют продавцы, на шахтах – шахтёры, в полях – фермеры; иначе говоря, тут установлена трудовая диктатура пролетариата. Да, пускай это делается при мудром посредничестве Великой Коммунистической Партии, которая умело направляет трудовую мысль в русло нужное, но главное, что всем на производствах управляется массами людскими! Рейх лишён этого, он дремуч и убог, ибо там до сих пор существуют такие понятия как частная и государственная собственность.

Давиан заметил, что Форос доволен... неизвестно откуда – он из-за решётки не улыбается, его глаза продолжает тлеть угольками, но юноша чувствует, что его... патрон рад сказанному, удовлетворён ответом.

– Люд просвещённый! – воззвал яро Давиан. – Вы живёте в прекрасное стране, в Директории Коммун, где делается всё для народа и этим самим народом, а посему вы просто не имеете права жаловаться! Это самое прекрасное место на свете и это говорю вам я, человек который пришёл из Рейха и знает о Либеральной Капиталистической Республике! – решил приукрасить слова Давиан, добавив в них про «республику». – Так что не прельщайтесь истинными лживыми, а живите по истине коммунисткой – народу – народное, а Партии – партийное! – Давиан повторил один из лозунгов Директории, говорящий, что Партия в Директории Коммун это её ведущий локомотив, меньшее из зол – не будь Партии, было бы государство, а поэтому наставление её чинов необходимо слушать и воздавать им и ей хвалу.

Тем временем Форос, снова обращает к небу ладонь, сжатую в кулак и люди опять монотонно загудели, будто это толпа зомби, людей из которых с холодной методичностью выбили жизнь и из звука, доносящегося с их ртов непонятно, то ли они радуются, то ли негодуют.

– Хорошо, просто чудесно, – донеслось звучание стального перезвона. – Я думаю, на сегодня, поругание Рейха можно закончить. Как-никак нашему исповеднику истин антиимперских нужен отдых и вдохновение на слово новое. – Только сказав это, Форос поднял блеснувшее металлом древко посоха над собой и вихревым движением указал в сторону города. – Идите! – сказал он, и они пошли; тысячи людей, в едином порыве устремились прочь с площади, и оцеплению народной милиции пришлось разойтись, выпуская гигантские толпы людей, стремящихся каждый по своим делам.

«И всякий винтик великого производственного механизма вернётся на своё место, присоединиться к собратьям по труду, и станет работать на благо красной империи, влившись в монолит Коммун» – восхитился Давиан.

Спустя минуту площадь практически опустело, перекасти поле, и сушиные единицы оставались тут, но только для того, чтобы пойти в Дом Идеологической Мудрости, дабы услышать слово о «Становлении институтов общенародных».

Давиан проследовал взглядом по всей площади и, не заметив ничего интересного, обратил взор к небу. Серое, такое же унылое, монохромное и минорное, как и города под ним, смотря на твердь над головой, складывается чувство, что идеи Коммуны о «Цветном равенстве» поразили и небеса, скинув с них моменты солнечных дней и установив печальное бытие, сделав продолжением самих себя. Отчасти в этом есть истина – многие заводы у городов специально создают лёгкий слой туч над головой, а дроны в небесах, распыляющие вещества для образования облаков, создают такую атмосферу. Однако всё это делается, чтобы доказать величие человека над природой и естественно для торжества идей о равенстве в цвете, пригвоздив всё внимание только к цветастым символам Коммуны.

«А в городах идёт снег?» – появилась новая мысль в уме Давиана, который не видел, чтобы Улей №17 утопал в снегопаде, хотя всё вокруг им засыпано, и юноша понял, что это делается тоже, чтобы мысли людей не привлекать к снегу, а приколоть его к знатым партийцам, символике, наполнить разумы идеями – «Ничего кроме Директории Коммун».

– Давиан, – обращение вернуло парня из мыслей, заставив посмотреть на взывающего.

Двухметровая фигура, облачённая в тёмно-багровые одежды, смахивающие на облачение кардиналов, цокая металлическими ступнями по плитке, а затем и по мраморным ступеням, рассматривая парня полыхающими рубинами, приблизилась к Давиану, встав по левое плечо.

– Товарищ Форос, – чуть поклонился юноша и обернулся к наставнику.

– Довольно неплохо, весьма сносно для первого раза, – заговорило существо. – Но в следующий раз тебе нужно будет больше аргументации и примеров. Дай народу хлеб, который они так жаждут – отведи их внимание от ереси Рейха и говори меньше о северной «республике»... не нужно прельщать народ их схожестью... лучше утопи их в поруганиях.

«Ереси?» – удивлению нет предела в уме. – «Ну, мы же не в Рейхе, чтобы так выражаться, а он не священник» – запротестовало само мировоззрение Давиана. – «Наверное, он хотел сказать от пропаганды... да-да, именно пропаганды Рейха. Оговорился, наверное».

Но Давиан даже не подозревает, или не хочет об этом думать, что тот, кого он считает наставником, что предполагал именно то слово, которое и сказал, без оговорок и тому подобное.

– Постараюсь.

– Вот и славно, неплохо ты сегодня постарался, – отпустило существо холодную похвалу. – Намного лучше, чем твой товарищ.

Давиана не заинтересовало, как первую проповедь отговорил его друг, наоборот, ему друг стало плевать на него, а душа возопила от счастья, ибо сам Форос его похвалил, обозначил превосходство одного товарища над другим, нарушая принцип абсолютного равенства, но важно ли это для Давиана? Он упивается радостью, перерастающей в самодовольство, которое порождает желание ещё раз обратиться к речи в массы людей и снова получить заветную похвалу, которой так не хватало в Рейхе.

– Правда? – вопрошает юноша.

– Истина. Если продолжишь так же хорошо молвить, если разовьёшь мастерство речи, то я поспособствую, чтобы тебя отправили в Столичный Район, где ты с утра до ночи будешь проклинать пороки Рейха.

– В Район?

– Да, именно туда, – то, что вместо глаз Фороса воспыало ярким огнём, будто кто-то подлил бензина в адскую печь души существа. – Я собираюсь тебе дать второй и последний урок, который даст тебе знание о нашей Империи.

– Секунду, – в голосе Давиана промелькнул призрак смущения, – а разве народная власть, под эгидой Коммун не борется с империализмом?

– А-а-а-а, – сетка на рту издала гулкое шипение, – юноша, ты ещё молод и разделяя империализм и империю. Мы воюем против первого, называя это властью буржуев или аристократов, но сами являемся «Империей Народной», то есть где власть народа – тотальна и вездесуща, а каждый её территориальный источник отделён от другого, образуя союз Районов.

В уме Давиан попытался это понять, но не смог, в его разуме не может сложиться хотя бы прообраз системы, о которой говорит Форос, но ничего не получается.

– То есть? Районы и Директория... как они связаны?

– Я думаю, ты уже заметил, что вы имеете статус неполных партийцев или товарищей и это напрямую связано с устройением Директории Коммун. Каждый Район суверенен, свободен от другого, но в то же время – это монолитная структура, в которой каждая часть неразрывно связана с другой.

– Секунду, а кто всё это связывает? – сложив руки на груди, спросил Давиан.

– Партия... именно она те стальные нити, которые сшили между собой Районы, это Партия сделала наш край единым. Народы, живущие в Районах свободны от населения другой территории, но все мы едины в Партии, все мы ей служим, а поэтому не можем быть разделены.

«Так, если народы свободны, независимы, то как... они могут быть единым-целым, одним?»

– А кто всем этим правит?

– Народ, – в металлическом тембре промелькнула нотка наигранной гордости. – Его воля – это главная конституция в каждом Районе, а решения – законы. Но народ есть Партия, поэтому всем управляет она.

– Хорошо, – задумался Давиан, – а кто правит Партией? – после вопроса Давиан мгновенно смекнул, что ответом станет дежурное «народ», и поэтому сменил немного суть вопроса, – Точнее, кто стоит во главе Партии по её чинам? Кто главный старший партийец?

Форос на мгновение примолк, сверля пульсирующими рубинами на Давиана, обрушившись весом на свой посох, через пару секунд спокойно говоря:

– А ты умнее, чем можно было предположить... хороший вопрос, не каждый может до него додуматься. Да, среди нас есть тот, кто выше остальных, но равен всем. Тот, кто поставлен выражать всеобщую волю народа по партийной линии. Это главный вождь, но не царь или диктатор, а человек совсем иного уровня

– Ну...

– Мы его называем «Апостолом Коммун», – проскрежетал Форос. – Ибо он настолько мудр, настолько умён, что те знания, которые он несёт, поистине сверхъестественны.

«Апостол?» – возмутился Давиан, нахмурившись. – «Что за религиозная гнусь? Хотя, тут настолько люди превосходят по мудрости нас, что предают этому слову иное знание?» – попытался оправдать слова наставника Давиан и перешёл к очередному вопросу:

– А что он делает?

Существо, прежде чем ответить, стало расхаживать вперёд-назад, цокая металлом по мрамору, поглаживая посох.

– Он не правит... нет... его задача – быть лицом Империи Народной, направлять волю его в правильное русло. Ни законов, ни постановлений... он ничего не принимает, однако его слово настолько мудро, что не следовать ему нельзя... это было бы преступлением против народа.

– То есть? – надавил тихим голосом Давиан. – Он, так же как и коллективы людей, может контролировать каждый аспект жизни, способен... не управляя править мудростью слова?

Форос перестал чеканить шаг, остановившись и стукнув концом посоха по мрамору, выпрямившись во весь рост и оказалось, что в не сгорбленном положении его высота больше двух метров и Давиан ощутил себя карликом по сравнению с этим полумеханическим великаном, сиявшим над ним глазами рубинами, чей голос снова полился с должной безжизненностью:

– И да, и нет, юноша. Он лик империи, алой восьмиконечной звезды, – рука устремилась вверх и указала на символ, – он её уста, её голос. Он и есть народ.

Будь тут Пауль, он бы сказал, что это тайная диктатура, порождённая Партией для контроля над людьми. Между понятиями правит, и не-правит нет что-то среднего, это обычное затуманивание рассудка, введение в заблуждение, пыль в глаза для сокрытия истинного смысла. Есть люди, мнящие себя партийными гуру, а есть все остальные, серая масса, прислушивающаяся старшим партийцам, которые «мудростью», наталкивают людей на нужные «народные» решения. Так сказал бы Пауль, но его тут нет, и он не слышит этого.

Давиан отверг бы такую концепцию и обозвал Пауля отступником сразу, ибо то, что сказал наставник проявление глубокого знания, правды о народном правлении, где тот самый «Апостол» не царь, но вождь, не правит, но направляет, хотя парень до сих пор не осознаёт некоторых деталей.

– Как это... восхитительно.

– Я слышу сомнение? – негодование прорезалось через холодную речь.

– Немного не понимаю, как в Народной Империи один человек может выразить... желания нескольких? Как?

– Даже я один могу... я вбираю в себя волю сотней тысяч жителей этого Района по партийной линии. Они контролируют и решают все вопросы на народных голосованиях, но оперативно-партийное управление никто не отменял.

– Но как вы один можете выразить... народную волю? Это не-логически.

– Хочешь логически... скажи, человек в Директории подчиняется только указанию коллектива? Указанию народа?

– Да-а-а...

– Правильно, и моё решение, как человека в статусе старшего партийца, может пересилить только голосование населения этого Улья. Народ – это Партия, а в ней есть структура, и каждый уровень структурный есть степень выражение воли народной. Сейчас я докажу это.

Форос отошёл назад на пару шагов и взмахом правой руки остановил первого попавшего человека, приложив шесть пальцев к его груди. Давиан метнул скоротечный взгляд на него – в серых одеждах, худосочный, чернявый и с зияющей пустотой в глазах, будто у человека вырвали душу.

– Партиец, внемли мне и повинуйся, – посох устремился вбок и устоялся окончанием в сторону колонны, отразив на своей поверхности и белый холод мрамора и серую безликость неба, которые поникли перед нечеловеческим указом. – Ударься!

Без всяких сомнений или возражений мужчина с места разогнался и с разбегу приложился лбом о багровую колонну, из-за цвета которой не осталось следов бесчеловечного приказа. Послышался глухой стук, и мужчина дёрнулся, покачнулся и рухнул на мраморный пол с раной на лбу, испачкав его лужей крови, потёкшей из раны на затылке, который разбился при падении, распластав конечности.

– Вот видишь в чём сила веры в идею коммун! – по-большому радостно возопил Форос. – Он отдал своё здоровье, потому что я это ему сказал. Если у нас правят людское коллективное решение, то это значит, что он разбился по его воле. Если бы я не был народом, точнее совокупностью его воли, то он бы не сделал это. Не бойся...

Давиана одёрнули смешанные чувства. Впервые он видит такое могущество и силу, абсолютную власть слова партийного иерарха. Ни Культ Государства, ни Церковь в Рейхе не обла-

дают такой властью, а здесь, тот, кто равен всем и в то же время возвышен, потому что... выражает волю многих? На секунду юноша задумался – «а не бред ли это?» и исторгнул эту мысль, отбросил в сторону, как преступную. Фибры души взволновал вопрос правильности такого поступка и приказа, так же, как и штиль на море волнует тяжёлую серую парусину... никак.

«Почему он поступил так? Почему разбился по первому приказу?» – Вот какие вопросы бегают по уму юноши. – «Фанатизм? Пропаганда? Или он реально выражает волю народа?»

Давиан погряз в десятках различных мыслей, которые оканчивались только возвышением идеалов Коммун и партийной властью, но ничего о том, что такое поведение ненормально. Будь тут Пауль, он бы сказал, что всё это похоже на тоталитарную секту, на деструктивный культ, проникший в сами души людей и разьевший их, он выел сознание вездесущей пропагандой и системой наказания, здоровый дух выхолощен, вместо него только поводок, связывающий человека и Партию, так же как и собаку с хозяином.

– Ладно, ты пока осмысляешь силу партийного слова, я расскажу, выдам благоую информацию о структуре территориально-партийного управления, – механический тихий голос вернул Давиана из размышлений к действительности.

– Кстати, я так и не могу понять,... а почему Империя? – решил спросить Давиан. – К чему такое название для гос... страны?

– Ох, – металлический скрежет ознаменовал тяжёлый выдох. – Выслушай меня сначала, а потом ты сам всё поймёшь, юноша.

– Хорошо, я готов слушать мудрость вашу.

– Самая главная структурная единица – это Улей, который является местом проживания для партийцев и правит им глава исполнительно-партийного комитета Улья. Так как весь народ улья входит и в отделение Партии по улью, то помимо власти народной на него распространяются и оперативно-партийные директивы, которые принимаются к исполнению.

– То есть помимо управления посредством постоянных выборов и голосований есть и когда отдельные люди отдают приказы?

– Да, но не приказы, а... «указания народного характера», я бы сказал. Старшие партийцы – это аккумуляторы общественного согласия, а поэтому каждое их действие или распоряжение трактуется как... да ты и сам понял.

– А к чему это? – Давиан сложил руки на груди, повернув голову в сторону площади. – Я имею в виду, зачем гнать всех в Партию?

– Хм, – задумался Форос. – Понимаешь, это помогает избежать определённой возможности... контрреволюции. Народ не будет бунтовать против Партии, если он ей является, ибо это всё равно, что восстать против себя.

Ещё одна замысловатая формула управления для Давиана. Его разум наполнен противоречиями, порождёнными сложившейся действительностью – с одной стороны тут всё делается с дозволения народа, который установил тотальный контроль над всем, но в то же время и Партия владеет всем, вплоть до общественного мнения. Старшие Партийцы хоть и равны, но возвышены.

«Так кто здесь правит?» – Задаёт мыслимо себе вопрос Давиан. – «Народ или Партия?» – и тут же вспоминает, что одно является другим, и власть одного элемента означает одновременно и власть второго.

Согласие народа на любое действие власти – утопический элемент идеального строя, тут доведён до абсолюта, но в то же время сильные управленческие механизмы, частица утопии противоположного типа тут тоже есть. Для Давиана это похоже на некую странность и ему начинает казаться, что здесь таится нечто тёмное и пугающее, слишком мало он понимает, о том, как в этом месте всё устроено.

– Хорошо, а что составляет эти улья? – спрашивает юноша, отгоняя молчание. – Это города старого типа?

– Нет. Старые города были разрушены или переделаны, – посох в руках Фороса лёг на плечо. – Великие партийцы, стоявшие у истоков Директории Коммун, считали, что в новом дивном будущем не будет место тому, что опрокинуло наш мир в прошлом в формации неофеодализма.

– То есть? – лик парня исказился в лёгком неприятии. – Вы разрушили все старые города, где расположилась Директория?

– Какие-то да, а какие-то нет, – хладно отчеканил Форос. – Те, которые оказали более жестокое сопротивление нам, стали пылью, стёрты из истории, а остальные обратились в груды камня, железа и прочего мусора. Теперь есть Улья и ничего кроме них, – посох мелькнул светлой латунной лентой и указал на людей, проходящих по площади, и безжизненный глас огласил ещё одну истину. – Вон, посмотри на тех муравьёв и скажи, что ещё им нужно? Город, в котором они будут развращаться, и предаваться буржуазной чуме? Или им нужен улей как у вечно рабочих пчёл? Правильно! – раздался счастливый возглас. – Наша задача... миссия Партии приковать их к своим великим идеалам, уподобить те существа единому трудовому коллективу, вертящемуся вокруг... партийного повеления.

Давиана смутила на мгновение мысль о том, как они быстро перешли от падения городов к власти Партии, как быстро его наставник с полыхающими глазами отбросил разговор о прошлом городов и снова его механические уста сорвали с несуществующих губ слова о первенстве и... священной миссии Партии.

– Юноша, ты умный человек и думаю, понял, о том, что сейчас я сказал. Не разочаровывай меня.

Парень тут же выбросил сомнения и помыслы о лукавстве Фороса, стоило только лишь речи похвалы коснуться его слуха и усладить его самолюбие. И одномоментно парню стало не до гряды разрушенных, древних и славных, городов, которые были растащены на новые улья, его мысль больше не сотрясает то, что фактически власть держит в руках Партия, а народ имеет второстепенное значение и вся его воля, все его решения контролируются отдельными людьми, которые плетут веретено политических махинаций и лжи.

– Конечно, понял, товарищ Форос, что мне нужно знать следующим? – с изгибом на краях губ, произнёс Давиан и глаза существа вспыхнули, словно символизировали радость от ответа.

– Улья это главная структурная единица, из которой управляется всё – промышленность – материального обеспечения, тяжёлая или пищевая это неважно, перераспределение ресурсов и тому подобное, но ты должен знать, что выше всех Ульев стоит Район.

– Район?

– Именно он.

– А что это? Собрание Ульев на одной территории?

– Почти, – существо резко и неестественно изогнулось, обратив торс назад, не делая разворота ногами, – вон там есть Улей №18, а за ним двадцатый. И все они объединены единым производством, а посему из них образуется Район №2.

– То есть? – приложил ладонь к подбородку Давиан, его глаза полны удивления и страха одновременно, смотря на неестественную пластику существа. – Они создают только те вещи, что позволены?

– Да-а-а, – прошипел Форос и изогнулся обратно, встав на место, – каждый Район в Директории наделён право выпуска только того ряда продукции, которую определила Партия, а, следовательно, за это выступил и народ. Так, этот Район, этот Улей производят стройматериалы, которые расходятся по всей Директории.

– А как же люди? – спросил Давиан, описав рукой дугу по площади, обводя немногочисленных людей. – Они могут делать то, что захотят? Э-э-м-м, я имею в виду, что...

– Я понял, – перебил Форос юношу. – Даже партийцы не имеют права заниматься тем трудом, который вне компетенции их Района, – ответил Форос, снова обвалившись всей массой на посох и Давиан пометил малозаметную черту – его наставнику трудно подолгу удерживать такую массу тела без опоры.

– Как так?

– Вот так вот. Вчера я лично казнил партийца, который был замечен за плетением шарфа. Мы тут этим не занимаемся, так постановил народ, а он себя осквернил классом «Мелкий рабочий».

«Убить человека ради мелкого идеала?» – спросил Давиан у себя и тут же решил оправдать это. – «Видимо значимый идеал был, раз такое произошло» – и сию секунду поспешил развеять сомнения по поводу значимости идей, за нарушение которых без зазрений совести лишают жизни:

– И ради чего это? – Давиан сложил руки на груди и посмотрел в слабо тлеющие угольки Фороса, в глазницах, которые моментально запылали адским пожарищем, и полилась механическая речь, через которую прозвенели ноты далеко немашинного фанатизма:

– Всё ради великой цели единства и славы нашей родины, ради поддержания коммунистического идеала безденежья и естественного обмена между трудовыми коммунами, то есть Районами.

– Это как?

– В далёкие времена, когда хозяйства производили разнородную продукцию, и наступила эра рыночного хаоса, деньги нужны были для товарного обмена, порождённого беспорядком свободной торговли. А тут нет этого... нет рынка, нет свободного обмена, а есть централизованное распределение. Вот представь, если бы Районы могли производить разную продукцию? На кой они были бы нужны друг другу? Стали бы естественным образом появляться рынки и всё вернулось обратно, а лишив Районы права на разнородное производство и специализированный труд, мы получили единство. Так теперь один Район не может без другого и все понимают – вынь один кирпичик из монументальной постройки и всё рухнет, погребя под новым кризисом миллионы людей. А если есть обмен, то зачем нам деньги? Таким образом мы установили торжество нерыночного общества, без денег.

– Ну а личный труд зачем... – растерялся парень, не зная, какое слово поставить и использовал первое попавшееся, – побивать? – растерянно спросил Давиан.

– Юноша, ты должен понимать, что мелкое, ведёт к большему... малыми шагами мы разворачиваем себя все больше и больше. Сегодня он делает что-то личное, а завтра попытается поменять это на что-то иное, ставя несанкционированную трудовую деятельность выше обменного народного хозяйства, а послезавтра они придумают валюту – так родятся деньги, и мы придём к тому, с чего начали.

Парень сделался отстранённым, а выражение его лица стало подобным вездесущей серости, и опустив руки, с глазами, наводненными роящимися сомнениями и противоречиями, снова заигравшими в сердце, отодвинув картинку идеального мира. Форос заметил это и решил поднадвить, склоняя подопечного к «правильному» мировосприятию:

– Я вижу, ты... обескуражен нашей действительности, но пойми, так мы живём, и чтобы дальше пребывать здесь, ты должен это принять. Всё это делается ради великой цели строительства мира, где нет денег и семей, где нет государства, а воля народа возведена в закон. Всё это ради той утопии, о которой мечтали пророки коммунизма древности.

– Соглашусь, – нелегко заговорил Давиан, – я не удивлён, скорее пытался осмыслить, услышанную... правду и... согласен – это лучшее, что могло бы стать с этим миром, – неловко и не веря в то, что говорит, произнёс юноша, не желая вызывать подозрений у Фороса.

«Будь тут Алехандро или Габриель, чтобы они сказали?» – всматриваясь в монотонные городские дали, высланные чредой однотипных бетонно-каменных коробок, задумался о зна-

комых Давиан, – «Вся система построена ради власти Партии, чтобы они всё контролировала или ради того, чтобы не распалась страна, и партийные верхи не потеряла свою власть? Ради власти, ради самого её удержания?» – посыпались вопросы один за другим, так как Давиан сам не знает, зачем пытается искать критическое осмысление, сказанного существом, но ничего не находит и поэтому невольно принимает «истину».

– А кто править Районами? Э-э-э, точнее им одним? – оторвав взгляд от города, спросил Давиан, желая перевести тему.

Вместо ответа, посох Фороса делает вихревое движение, звездой исчертив серый небосвод, и утыкается концом вдаль города и разразилась машинная речь:

– Они.

– Что «они»?

– Люди вон там, – посох латунным просветом устремился в другую сторону, – и они, в Улье №18. Все, кто составляют Район, правят им.

Внутри Давиан догадывается, что голосование по каждому повожу не совсем власть людей в полном объёме и их волевое решение – это продукт деятельности Партии, а поэтому решает спросить иначе:

– Кто по партийной линии занимается оперативным... направлением народной воли?

Форос таинственно молчит, думая, как можно ответить более красноречиво, скрывая вуалью красивых формулировок и слов действительность.

– Народную волю направляет Исполнительный Комитет Района, который состоит из трёх человек, высших представителей повинностей. Мастер Труда, Главный Милитарист и Делец Слова – вот три человека, которые... помогают народу в руководстве деятельности Исполнительного Комитета Партии по Району.

– Исполнительный комитет... – задумался Давиан, – а что это за орган управления? – спросил юноша и тут же поправил себя. – Точнее, не управления, а орган-помощник проведения решений народ в реальность.

– Он помогает обществу эффективней распоряжаться ресурсами, он вектор развития его, но всем проявят народные собрания общепартийской сферы[1] и партийные наставники. Скажи, что такое коммунистическая демократия?

– Когда всем правит народ.

– Да, точно, только она выражается в лозунге – «все законы – от народа, они исполняются – народом, и судит за их неисполнения – народ».

– Все ветви власти в руках...

– Именно! – перебил Форос Давиана. – Исполнительные Комитеты – это центры народной воли, которые её воплощают, ибо ей и являются. Все партийцы – члены исполкомов, следовательно, исполком и есть народ, точнее его часть на отдельной территории, а старшие партийцы оперативно управляют его деятельностью.

– А как же Партия, если всем заправляет исполком?

– Партия и есть народ и если она говорит о том, что кто-то будет чем-то управлять, значить повелевать этим будут и люди, вся их совокупность на определённой территории. Апостол Коммун вне исполкома, он над ним, ибо отражает в себе всю независимость решений народа.

Сказанное Давиану показалось юноше нечто малопонятным. «Партия – это огромный исполком, а он является народом, как и сама партийная система» – коротко обозначил услышанное парень и всё, что появилось в его мыслях после этого, так это только один вопрос – «Это как?».

Будь тут Пауль, он бы сказал Давиану – всё в руках истинного лица Партии – «старших товарищей», которые и главы исполкомов, и начальники Партий и вся система, ими выстроенная зиждется на утопических началах, но они подстроили под себя, сделав целью власти саму власть, приводя людей к фундаментальной невозможности изменений. Но его здесь нет

и Давиан вынужден принять «Слово» Фороса, за ещё одну истину и убедиться в «интеллектуально-духовной просвещённости» этих мест.

«Всё крутится вокруг Партии?» – нежданно-негаданно пробежал в уме вопрос и Давиан позволил себе на секунду задуматься, уводя глаза от полыхающего взгляда Фороса. Люди тут вроде относительно независимы в выборе решений, но одновременно главная доминанта всех решений – Партия. Если это так, то старшие партийцы выстроили систему, всё делается во благо Партии, узкого её круга, а не общей людской массы... они создали положение, где огромное количество население, записанное в список низших партийцев или младших товарищей – колониальное общество, служащее и отдающее все метрополии – Партии. И таким образом получается, что Директория Коммун это самая настоящая партийная империя. Хотя бы кто главный выгодополучатель от безденежной обменной системы? Партия, ибо это питает её власть и не даёт распасться социуму, из которого извояли живую колонию.

Стоило только Давиану развить эту мысль, как идеализм запротестовал в его душе, отторгая это. Он выкинул из своего сознания мысли об этом, наполняя рассудок смирением и почтением к Директории, зачитывая шестнадцатый Ксомун «Чистый разум». Ему всё равно на эти факты, главное для него сейчас – идеалы, которые чаял в Рейхе, тут нашли своё отражение, и неважное какое, и здесь его чтят, а это самое главное, затмевающее всё остальное.

Глава пятая. «Равные среди равных»

Утро следующего дня.

Резкий и острый звук воя сирены поднял Давиана с кровати, заставив практически подскочить и побежать, но воля быстро его остановила.

– Что случилось? – прозвучал вопрос, на который ответ никто не дал, только продолжился истошный вой сирены.

Практически без одежды юноша стал метаться по комнате, пытаясь хоть что-нибудь сделать и попытаться узнать, что происходит, но вой, льющийся буквально из стен не давал сконцентрироваться. Буйный страх и чувство непонятливости отогнали ощущение сонливости.

– Сколько времени? – вопрошает ни у кого юноша и подбегает к окну, попутно натягивая серую футболку, и заглянул в него, но в ответ только темень, сплошная и непроницаемая посмотрела на него.

Ночь всё ещё окутывает Улей №17, заключив его в ласковые объятия и укутывая покрытием не проглядываемой темени, рассеянной немногочисленными фонарями. Свет в комнате Давиана резко зажегся и одновременно во всём городе окна, которые секундой раньше содержали тьму, вспыхнули как тысячи огней, отторгнув ночь в единый миг.

– Да что же происходит? – удивление, ужас и непонимание смешались в голосе юноши, который отступил к кровати и, плевав на носки, пытается натянуть туфли.

Давиан захотел было посмотреть, сколько времени на телефоне и уже опустил руку к подушке, куда по привычке его клал, но нащупал пустое шершавое место и тут же вспомнил, что его изъяли, забрали «для нужд общего пользования», и теперь у него нет его, вместо него старый будильник, окованный сталью. А телефон лежит на полке общих вещей и всё, что в памяти устройства, да и оно само, стало общенародным достоянием, в том числе и сведения личного характера тоже обобществились.

– Проклятье! – выругался Давиан, когда увидел, что будильник не работает и отшвырнул устройство прочь, звенящий механизм улетел в угол и звонко брякнул, на мгновение, пересилив неутрахающий вой сирены.

Глаза юноши стали рассматривать комнату в поисках багряного плаща, но ничего кроме незначительных габаритов комнатухи не видно, только разве что убогий быт, которые называется «максимально равным».

Ноги парня понесли его к шкафчику, и там он обнаружил нужную вещь и стал её натягивать, с горечью вспоминая, что вчера у него забрали и часы, подаренные ещё в Рейхе. Один миг памяти о часах разбудил бурю воспоминаний, посвящённых подарку – отданные на день рождения родителями, сделанные из нержавеющей стали и покрытые серебром, с двуглавым орлом на циферблате. Они стали дорогим подарком от матери и отца, которых он оставил ради идеи. Только сейчас Давиан понял, что такое тоска по родным, все поедающая и напоминающая о том, что человечности в нём ещё слишком много и пока она не уйдёт не получится присоединиться к серому монолитному образованию, которое гордо себя нарекает «коммунальным народом». Он, убегая из Рейха, думал, что придя в новый мир, тут будет настолько хорошо, настолько идеи тотального равенства и справедливости тут его возвысят, что он попросту про них забудет, не будет для них тут места.

«Что сделано, то сделано» – пытается убедить себя в правильности выбора Давиан, рассуждая, что, в конце концов, тут не так плохо и все его чаяния по равному обществу тут воплотились, хотя в какой форме, сильно беспокоит, будоража душу каждый раз, когда Форос открывал по новой «истине».

Но вой сирены вернул Давиана к действительности, и он в суматохе стал искать маленькую карточку, которая хранит всю информацию о нём, этакий временный паспорт, вместо постоянного, который должны выдать на днях.

Дверь в комнату закрипела, и тяжёлый кусок металла стал отворяться, и только он отъехал на достаточное расстояние в комнату юркнули два человека. Их куртки в слабом освещении блеснули на серой поверхности тусклыми бликами, а стук туфельных каблучков наполнил помещение.

– Ты ещё здесь?! – разразился криком мужчина, уставив глубоко посаженные глаза на грубом квадратном лице, напирая озлобленностью. – А ну пошёл! Товарищ, вышвырните его!

Второй мужчина с более худым лицом в полсекунды оказался рядом с Давианом, и его пальцы цепко сжались на воротнике плаща и обхватили шею сзади, и сильным рывком движением он повёл юношу из комнаты; как только нога переступила порог, с силой швырнул его. Давиан не устоял и рухнул на пол, ощутив его прохладу своим лицом, сразу за которой пришла резкая боль, прошедшая по левой щеке, которой и приложился юноша о поверхность.

– Вот тебе и народная милиция, – позволил себе в полголоса отпустить иронию Давиан, за что и поплатился.

– Разговорчики! – рявкнул крупный мужик и сию секунду Давиан ощутил, как его рёбра сминая туфля милиционера, и новая боль пожаром охватила грудь. – Я выполняю народно-партийную волю, скот! Подняться! Быстро!

Юноша тяжело поднялся, и его уши колеблет новый указ:

– В строй, живо!

Давиан оглянулся, и его глаза выхватили образы происходящего – человек двадцать выстраиваются у стенки справа от его комнаты, заговаривая собой окна и ему стоит присесть к собранию людей, чтобы больше не вызывать приступов злости у народных милиционеров. Юноша, сменяя одежду на месте рёбер, поплёлся в строи и люди тут же расступились, давая ему занять место.

Два милиционера в одинокой монокромной одежде встали напротив построения, разглядывая его взором, присущим волкам, которые посматривают на стадо овец, которому суждено быть разорванными.

– Так, что скажешь, товарищ Милош? – спросил крупный, с квадратным лицом мужчина.

– А что сказать, товарищ Лир? Двадцать один партийец, голодные и сонные, даже не понимают, что они сейчас будут вершить волю народную.

К строю людей вперёд делает шаг товарищ Лир и грубым низким хриловатым голосом начинает вещать, рассеивая туман сомнений и домыслов насчёт экстренного подъёма из кроваей:

– Я думаю, вы знаете, кто мы?

– Вы народная милиция – защитник внеклассового коммунального народа, – ответ взяла хрупкая светлая девушка, в бесцветной пижаме,

– Правильно.

На этот раз шаг делает его более худой товарищ, взявший слово и его речь понеслась звучанием более высокого лишённого хрипоты гласа:

– Но это ещё не всё, ибо на нас возложены священные функции следователей и предтечей кары, а поэтому, я думаю, вы понимаете, почему мы могли тут появиться? А, народ коммунальный?

Всеобщий страх и ужас сковали всё построение, заставив в единую секунду очи людей, наполниться боязнью, а души роптать от того, что грядёт впереди, и только один Давиан, узнавший о милиции из книжек, догадывается, что сейчас будет.

– Да товарищи, – снова заговорил Милош, – мы здесь, чтобы представить на ваш народный суд доказательства измены ваших товарищей.

– Именно, товарищи, – хриплое слово взял Лир, – несколько из вас стали скотинами, о которых нам донесли ваши товарищи из комнатного народного надзора.

– Суд? – роняет робко вопрос девушка.

– Да, – ответил Милош.

– Что тут происходит? – шёпот срывается с губ Давиана, который мало понимает, что здесь происходит и ответ донёсся слабым тишайшим голосом от одного из тех, кто в строю; это высокий и худущий мужчина с рыжим волосом, в серой майке, и такого же цвета шортах:

– Ты что не понимаешь? Ай, голова твоя дырявая. Сейчас мы судить преступников будем, вот, что происходит.

Милош перебил всякие разговоры в строю, обратив к нему свою речь:

– Но прежде чем начать судилище, нам необходимо воспеть Ксомун шестьсот шестьдесят пятый «Воздаяние несущие».

И строй запел, а вместе с ним и часть колонок, вмонтированных в стену, отчего залу наполнил монотонный гул, проникающий прямо в мозг, как будто чья-то рука залезла в сознание, давящий, мешающий мысль и Давиану от такого звукового воздействия стало не по себе, и только его сознанию удалось приспособиться к этому, он сумел распознать только две последние строчки из противного напева:

«Так покараем же тех, кто приступил закон равенства, воздаём им по заслугам,

Ибо нет даже первых среди равных, а есть только такие же равные, среди равных».

Пение спало, но мутность в сознании осталось густым осадком, мешающим распознать даже смысл отпетого, не говоря о том, чтобы пытаться подвергнуть это анализу или критике и Давиану только и остаётся наблюдать за продолжающейся процессией народного судилище, развёрнутого среди холла общежития.

– Начинаем! – дал отмашку Милош и понеслась.

Из-за угла, там, куда длинные коридоры выводят к другим таким же широким холлам, вывели под стражей одного паренька. Два шкафа, высоченных мужика, облачённых в цвета бетона мантии, с капюшонами ведут под руки закованного в наручники парня, тщедушного и худого, на котором одежда болтается мешком. Как только они подошли к Лиру, швырнули его под ноги толпы и все смогли узреть ледяной страх в голубых очах на исхудавшем лице. Паренёк тут же попытала отпрянуть от строя, но один из двухметровых разросшихся вширь мужчин одним ударом ладони приковал его к полу, оросив серую поверхность кровью, а затем и придавил ногой до хруста в позвонке, сотрясая пространство неестественным, рождённым в механической гортани звериным рыком, из которого можно распознать одно слово:

– Лежать!

– За что он обвиняется? – спросила хрупкая девушка.

– Он попрал священные законы внеклассового равенства! – рьяно выпалил Милош. – Он вознамерился не быть равным среди таких же равных в хозяйственном плане и попрал установление о запрете мелкого ручного труда, тем самым поставив нашу общность под угрозу появления капитализма и возрождения рынков.

– А доказательства?

– Имеются, – гордо ответил Лир и топорно махнул рукой.

Один из амбалов, опустившись ладонью в карман балахона вынул целлофановый пакетик, в котором, на самом дне, покоится небольшая фигурка и Давиан слабо различил из чего она сделана, переплетение каких-то проволочек и алого цвета бусинок, нанизанных на переплетение истончённой стали.

– Это фигурка есть плод преступного деяния.

– А его ли она?

Рука Милоша скрылась во внутреннем кармане кожаной куртки и появилась через секунду, но сжимая в пальцах небольшой планшет, по которому сей момент простучали пальцы и экран обратился к строю:

– Смотрите!

На экране планшета замелькали образы, отснятые на камеры, которые установлены в каждой комнате любого партийца младшего или среднего уровня. На них видно, как час за часом парень занимается рукоделием и насаживает стёкла бусин на проволоку, заплетая всё это дело и, в конце концов, на свет появилось что-то похожее на образ то ли собаки, то ли кошки... непонятно.

– Это прямые доказательства нарушения священного порядка децентрализованного производства в Улье №17 и солидарности между Районами, ибо мелкой продукцией занимается не наша территория и этой выходкой он поправил и порядок, и солидарность.

– Но он же должен был как-то достать эти вещи доля труда, – высказался кто-то из строя, – у меня нет ни проволоки, ни бусин. Откуда они у него?

– Спёр, – басовито ответил Лир, устремив взгляд в свой планшет, – с завода.

– Тогда мы его будем судить и за кражу?

– О-у, мелкое хищение народной собственности меркнет по сравнению с тем, что он посягнул на идейную основу нашего общества. – Заголосил Милош. – Он уподобил себя классу мелких рабочих, а значит, поправил и бесклассовые основы наши.

– Кхе-кхе, – прокашлялся парнишка, зажатый подошвой тяжёлого ботинка, – я-я-я ничего не крал... э-э-это му-му-мусор был.

– Но это народный мусор! – взревел Лир, подлетев к парню. – И это его украли у народа, гнида ты мелко-пролетарская! – оскорбив бедолагу мужчина плюнул ему прямо в лицо.

– Ну-у, – воззвал ко всем Милош, простерев руки к строю, – что мы с ним будем делать. Мы – суд равных, среди таких же равных, какое наказание придумает для гадины, которая решила, что не ровня нам?

Наступила гробовая тишина, и ничьи уста не желали раскалывать печать тишины, разве только гул кондиционера слышался из угла. Давиан глубоко погрузился во внутренние рассуждения и противоборства.

– Как же так можно? – тихим шёпотом для никого не слышимая летит реплика с уст юноши.

С одной стороны, судить за мелкое, незначительное рукоделие – абсурд, малопонятный и не поддающийся вразумительному толкованию. Однако неожиданно для себя парень как-то обнаружил этому осуждение, обратившись к тому, что читал, и чему его обучил Форос. Он ведь преступник, раз нарушил святое правило, разрывая саму ткань коммунистического бытия, попирая основу солидарности, трактуемую как – «не производи то, что производит твой сосед», разорвал сущность вне классовости, ибо уподобил себя мелкому рабочему, осквернив руки ненародным трудом. Что тут сложного – лежи, смотри телевизор, ничего не делай, да живи в своё удовольствие, после непродолжительного четырёхчасового трудового дня, а всё остальное – массу продукции и труд сделают и выполнят машины и всё. Давиан подвёл себя к мысли, что человек перед ним действительно преступник, раз вознамерился делать то, чего нельзя и ... отторгнуть властные распоряжения Партии, а если он поносит нечестивым трудом её, то и на народ ему плевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.